

Владимир Парамонов
Алексей Строков
Олег Столповский

**Китайское присутствие в энергетике
Центральной Азии:
новая угроза или новая возможность
для России ?**

Январь 2011

Содержание

Введение	3
Глава 1. Роль и место энергетического направления Политики в Центральной Азии в общей стратегии Китая	4
Роль и место отраслей ТЭК стран Центральной Азии в экономической политике Китая	5
Роль и место конкретных отраслей ТЭК стран Центральной Азии в энергетической стратегии Китая	6
Глава 2. Китайские проекты в отраслях ТЭК стран Центральной Азии: современное состояние и основные проблемы	15
Китайские проекты в ТЭК Казахстана	16
Китайские проекты в ТЭК Кыргызстана	27
Китайские проекты в ТЭК Таджикистана	31
Китайские проекты в ТЭК Туркменистана	35
Китайские проекты в ТЭК Узбекистана	41
Основные выводы	47
Основные проблемы	49
Глава 3. Последствия и возможности для России в результате усиления позиций Китая в ТЭК стран Центральной Азии	52
Основные сценарии	52
Основные рекомендации	54
Информация об авторах	66

Введение

Интерес Китайской Народной Республики (КНР) к отраслям ТЭК стран Центральной Азии (ЦА) обозначился еще в середине 90-х годов прошлого века. Начиная с этого времени значение региона в китайской энергетической, равно как и в целом в экономической политике, поступательно растет. При этом, если в середине-конце 90-х годов проектная активность КНР и китайских компаний в энергетическом сегменте экономик стран ЦА фокусировалась только лишь на Казахстане и его нефтегазовой отрасли, то с началом XXI века интерес Пекина стал постепенно распространяться и на другие государства региона, диверсифицируясь и по отраслям ТЭК. Основное внимание Китая в настоящее время приковано к нефтегазовым отраслям Казахстана и Туркменистана, а также атомной отрасли Казахстана (со второй половины первого десятилетия нынешнего века). Китайское же присутствие в отраслях ТЭК остальных стран ЦА связано не столько с энергетическими потребностями КНР, сколько с задачей продвижения иных (экономических и политических) интересов в данных государствах и в регионе в целом.

По состоянию на конец первого десятилетия наступившего века **деятельность Китая и китайских компаний в энергетическом сегменте стран центральноазиатского региона, как представляется, не оказывает заметного влияния на развитие российского ТЭК и серьезно не ущемляет российских интересов, тем более, что они не носят долгосрочный и объединенный единым планом характер, не вписаны в программу модернизации экономики России.**

С одной стороны, теоретически КНР может выступить в роли конкурента РФ в ТЭК стран ЦА лишь в случае выработки и начала реализации в России стратегии по интенсивному промышленно-инновационному развитию: именно тогда потребуются масштабная модернизация российской электроэнергетики и, соответственно, значительное увеличение поставок центральноазиатских энергоресурсов (для поддержания высокого уровня внутреннего потребления и завышенных обязательств по экспорту). **С другой стороны,** даже в этом случае, Китай способен выступить в качестве стратегического партнера России, тем самым, обеспечив прорыв в плане развития российско-китайско-центральноазиатского энергетического и, в целом, экономического сотрудничества на многосторонней основе.

Поэтому, примет ли российско-китайское энергетическое взаимодействие в Центральной Азии форму партнерства или напротив соперничества во многом зависит от самой России, а точнее от ее готовности в корне пересмотреть основные принципы своей внутренней и внешней энергетической стратегии, переориентировав ее с «экспортно-сырьевого» направления на следующие цели:

- собственного промышленно-инновационного развития;
- продвижения экономической ре-интеграции на постсоветском пространстве;
- выстраивания долгосрочных взаимовыгодных экономических отношений на многосторонней основе в рамках ЕвразЭС и ШОС.

Глава 1. Роль и место энергетического направления политики в Центральной Азии в общей стратегии Китая

Внутренняя политика. Китай – страна с полноценной и динамично развивающейся экономикой, а общая стратегия Пекина нацелена на повышение эффективности планово-централизованного управления государством/обществом и, одновременно, всемерную либерализацию внутриэкономической деятельности. Данная стратегия предполагает поддержание баланса между традиционными, социалистическими и капиталистическими концептуально-идеологическими установками, принципами и ориентирами, что призвано гарантировать целостность, устойчивость развития и безопасность КНР. При этом незыблемыми остаются национально-государственная идеология и ведущая роль коммунистической партии Китая.

С точки зрения энергетики, это означает, что функции китайского ТЭК жестко подчинены целям обеспечения высокой динамики развития всех сегментов национальной экономики, поддержания социально-экономической стабильности и усиления военно-политической мощи страны. При этом **основными задачами энергетической политики Китая были и остаются следующие:** (1) поэтапное расширение внутренней сырьевой базы национального ТЭК; (2) ускоренная технологическая модернизация отраслей ТЭК; (3) диверсификация национальной энергетики в плане максимально эффективного использования всех видов энергоресурсов.

Внешняя политика. Китай стремится стать одним из ведущих игроков в глобальной экономике и мировой политике, делая основную ставку на повышение эффективности и притягательности китайской экономической модели. Одновременно, китайская стратегия ориентирована на максимально гармоничное встраивание КНР в глобальные процессы и поиск механизмов управления ими в плане пресечения тенденций, угрожающих целостности, устойчивому развитию и безопасности Китая, а также подрывающих его позиции в мире.

С точки зрения энергетики, это означает, что Китай стремится обладать эффективными механизмами защиты своих энергетических интересов и возможностями влиять на конъюнктуру глобального и регионального энергетических рынков. При этом одной из основных задач внешней политики Китая является долгосрочное закрепление в богатых энергоносителями странах и регионах, в том числе и в Центральной Азии для обеспечения гарантий стабильного снабжения национального ТЭК сырьевыми ресурсами извне. Главным образом это касается углеводородов, а в перспективе еще и уранового сырья. Тем не менее, необходимо понимать, что реализация данной задачи не является самоцелью, а подразумевает высокую готовность к сотрудничеству с другими странами, особенно соседними поскольку это сотрудничество будет гарантировать реализацию всего комплекса стратегических интересов Китая (не только в сфере экономики, но и в сферах безопасности и политики).

Значение Центральной Азии. Несмотря на высокое значение в плане безопасности и рост интереса с точки зрения поставок энергетического и иного сырья, Центральная Азия, тем не менее в целом занимает в китайской стратегии второстепенное место, рассматривается скорее в качестве стратегического тыла и дополнительной возможности (в сферах политики, безопасности, экономики и энергетики) по повышению эффективности политики КНР на приоритетных направлениях, к которым относятся

отношения с ведущими государствами Запада и соседями по Азиатско-тихоокеанскому региону.

* * *

Другими словами, стратегия Китая, подкрепленная передовым международным опытом¹, научным и аналитическим обеспечением реализуется в рамках долгосрочного плана/алгоритма развития, преследует целью построение сильного и самодостаточного государства, которое могло бы успешно противостоять потрясениям глобального и регионального характера, действовать на упреждение тех или иных угроз безопасности, в том числе и в энергетической сфере.

Тем не менее, как представляется, главным недостатком этой стратегии является сохраняющаяся в КНР недооценка принципиально высокого значения внутренних пространств Евразии, в первую очередь через призму стратегического партнерства с РФ и ЦА, что, однако, во многом предопределяется характером современной политики самих России и стран Центральной Азии, в том числе энергетической, которая подчинена узко-корпоративным интересам национальных компаний и нацелена в основном на наращивание объемов экспорта энергоносителей.

В этих условиях, Китай будет продолжать рассматривать РФ и страны ЦА не в качестве партнеров по достижению общих стратегических приоритетов, а в качестве ненадежных и временных союзников, а в сфере ТЭК – как поставщиков сырья и других энергоресурсов. Именно все это в комплексе, а не сама по себе китайская политика, ставит под угрозу интересы России в Центральной Азии, в том числе энергетические, повышает вероятность конкуренции с Китаем за энергоресурсы и другое сырье.

Роль и место отраслей ТЭК стран Центральной Азии в экономической политике Китая

После распада Советского Союза экономическая политика Китая в Центральной Азии поступательно эволюционирует в сторону повышения значимости региона в системе внутренних и внешних приоритетов Пекина, где на переднем плане находится именно энергетическое значение данного сегмента постсоветского пространства.

В первой половине 90-х годов экономический интерес КНР к ЦА не был высоким, а китайско-центральноазиатские экономические отношения ограничивались в основном торговлей, которая была замкнута преимущественно на Казахстан и Кыргызстан. Тем более, что в начале 90-х годов и сами центральноазиатские страны не рассматривали Китай в качестве приоритетного экономического партнера, связывая свои надежды с Россией, Западом, а также некоторыми финансово состоятельными и близкими по культуре государствами Исламского мира.

Однако, уже к середине-концу 90-х годов экономический интерес Китая к Центральной Азии обозначился более четко, что во многом было обусловлено началом реализации в КНР государственной программы по форсированному развитию своих внутриконтинентальных территорий. На практике указанный интерес выразился в первых проектах китайских компаний в нефтегазовой отрасли Казахстана и усилении присутствия китайских производителей на потребительских рынках стран региона. К тому времени центральноазиатские

¹В том числе советским.

государства стали рассматривать Китай в качестве важного экономического партнера, проявлять больший интерес к увеличению объемов импорта китайской продукции, в основном товаров широкого потребления, а также машиностроения.

В начале XXI века значимость Центральной Азии во внешнеэкономических приоритетах Китая кардинально возросла, что было вызвано причинами как экономического, в том числе энергетического, так и геополитического характера: после событий 11 сентября 2001 года регион утратил статус периферийного, оказавшись в центре мировой политики. Пекин значительно усилил свою экономическую политику в Центральной Азии. Прежде всего это нашло отражение в интенсификации Китаем проектно-инвестиционной деятельности, которая, однако, была и остается направленной в основном на эксплуатацию богатой минерально-сырьевой и, в первую очередь, энергетической базы региона. Одновременно еще более заметно выросло присутствие китайских производителей на рынках центральноазиатских государств и существенно увеличились объемы кредитования экономик стран Центральной Азии. По сути, тем самым руководство КНР определило экономику в качестве стержневого элемента своей стратегии в ЦА. В свою очередь, государства Центральной Азии стали рассматривать Китай уже не только в качестве важного торгового партнера, но и как стратегического инвестора/кредитора своих экономик.

Несмотря на стремительный рост масштабов китайского экономического присутствия в регионе, складывающийся формат двусторонних и многосторонних экономических отношений, в том числе в отраслях ТЭК, все еще крайне далек от идеалов и исторически оправданных схем взаимодействия, нежелателен как с точки зрения долгосрочных интересов Китая, так и с точки зрения долгосрочных интересов самих государств Центральной Азии и, безусловно, России. С одной стороны, ориентация китайской экономической деятельности преимущественно на добычу и вывоз в КНР промышленного сырья, в первую очередь энергетического, объективно ведет к ресурсному истощению государств ЦА, препятствуя развитию их перерабатывающих отраслей, усилению конкуренции и даже соперничества с РФ.

С другой стороны, очевидно и то, что в условиях слабости/отсутствия промышленной политики и стратегии экономической интеграции на постсоветском пространстве республики Центральной Азии сами вольно или невольно закрепляют за собой статус «сырьевых (в первую очередь, энергетических) придатков» и превращаются в объекты все большего манипулирования в ведущейся глобальной игре за ресурсы и влияние. Все это явно не укладывается в логику позитивных тенденций развития внутренних пространств Евразии, повышая вероятность реализации здесь неблагоприятных сценариев, в том числе ведущих к конфликту интересов Китая и государств Центральной Азии, Китая и России. Тем самым создается мощный заслон на пути дальнейшего экономического роста и безопасности (в том числе энергетической) не только ЦА и РФ, но и КНР, а также других стран внутренней Евразии.

Роль и место конкретных отраслей ТЭК стран Центральной Азии в энергетической стратегии Китая

Учитывая значимость энергоресурсов для обеспечения поступательного развития китайской экономики, Пекин уделяет повышенное внимание своей

энергетической и в целом экономической безопасности. В энергетической стратегии Пекина выделяются три основных вектора:

- привлечение иностранных инвестиций и передовых технологий для модернизации национального ТЭК и смежных с ним отраслей промышленности (например, энергетического машиностроения), где основные надежды связаны в первую очередь со странами Запада, а не с Россией и тем более государствами Центральной Азии;

- обеспечение гарантированных и бесперебойных поставок энергоресурсов и электроэнергии из-за рубежа, где страны Центральной Азии и Россия занимают достаточно важное, хотя очевидно и не приоритетное место;

- расширение собственной энергетической базы путем наращивания внутренней добычи энергоресурсов² и увеличения генерации электроэнергии.

Как представляется, в этих условиях энергетический интерес Китая к Центральной Азии вызван рядом причин.

Во-первых, ЦА привлекательна для КНР с географической и стратегической точек зрения, принимая во внимание его непосредственную близость и расположение внутри Евразийского континента. Данный факт весьма важен для энергетической безопасности Китая, поскольку, не имея мощных военно-морских сил, он не может эффективно защищать свои энергетические интересы во многих точках Мирового океана, что делает систему его энергетической безопасности достаточно уязвимой. В противоположность этому, энергетические маршруты из ЦА пока имеют на порядок более высокий уровень безопасности и стабильности, учитывая факт наличия общих сухопутных границ и достаточно стабильные двусторонние отношения, на сохранении чего, кстати, во многом и фокусируются основные политико-дипломатические усилия Пекина.

Во-вторых, Казахстан, Туркменистан, а также Узбекистан располагают достаточно высокими промышленными запасами нефти и природного газа, которые в перспективе могут быть существенно наращены, что позволяет рассматривать эти государства в качестве альтернативных и дополнительных источников поставок углеводородов.

В-третьих, Казахстан и Узбекистан располагают высокими по мировым меркам запасами урановых руд – сырья для производства ядерного топлива, что определяет все более важный и перспективный интерес Китая к региону, особенно учитывая амбициозные планы Пекина по развитию своей атомной энергетики.

В-четвертых, Центральная Азия потенциально привлекательна для Китая в качестве будущего стратегически важного транзитного региона в случае транспортировки углеводородов из Ирана и стран Ближнего Востока. Данный транзит вполне может стать достаточно рентабельным и эффективным, так как трубопроводный маршрут через Центральную Азию в несколько раз короче морского и к тому же дешевле. Но главное, скорее всего, заключается в том, что сухопутный транзит энергоносителей через Центральную Азию сделает Китай независимым от контролируемых ВМС США морских маршрутов доставки ближневосточных и иранских углеводородов. Тем более, что в

²Хотя есть и определенные свидетельства в пользу того, что Китай (подобно США) в последнее время постепенно делает все больший акцент на политику экономии/консервации внутренних невозобновляемых источников энергии и, одновременно, наращивает объемы их поставок из-за рубежа. Однако, пока представляется преждевременным говорить об этом как об устойчивой тенденции.

Центральной Азии уже сформирована достаточно развитая система трубопроводных коммуникаций, в том числе в иранском направлении.

В-пятых, теоретически, в гидроэнергетическом плане интерес для КНР представляют Кыргызстан и Таджикистан. Однако, на практике и, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, масштабное освоение гидроэнергоресурсов этих двух стран маловероятно, так как блокируется нерешенностью крайне болезненной для региона водно-энергетической проблемы. Намерения Кыргызстана и Таджикистана, где формируется свыше 90% водных ресурсов региона, относительно строительства крупных ГЭС все более остро конфликтуют с интересами Узбекистана, а также в какой-то степени Туркменистана и Казахстана, которые являются основными потребителями воды.

Как представляется, в условиях фрагментации экономического и политического пространства ЦА водно-энергетическая проблема не будет решена. Поэтому Китай не спешит участвовать в крупных гидроэнергетических проектах на территории региона, тем более, что данные проекты являются затратными и малоприбыльными в краткосрочной перспективе. К тому же в Пекине понимают, что вне зависимости от того, будет ли Китай участвовать в строительстве центральноазиатских ГЭС, именно СУАР КНР является географически наиболее близким и, следовательно, коммерчески наиболее реальным для Кыргызстана и Таджикистана рынком сбыта электроэнергии. Поэтому Китаю объективно выгоднее пока занимать выжидательную позицию, предпочитая предоставить странам ЦА и их основному политическому партнеру – России право самим «распутывать клубок» региональных водно-энергетических противоречий.

Тем не менее, необходимо особо отметить, что тот, кто в будущем будет контролировать гидроэнергетику Кыргызстана и Таджикистана, тот, по сути будет не только контролировать магистральные направления развития этих стран (включая добычу и переработку минеральных ресурсов), но и более того – иметь рычаги влияния на весь регион. Поэтому уже в краткосрочной перспективе нельзя исключать вероятности интенсификации международной конкуренции за контроль над крупными гидроэнергетическими объектами (и проектами) Кыргызстана и Таджикистана.

В целом же на современном этапе реальный интерес Китая к тем или иным энергетическим ресурсам Центральной Азии пока ограничивается нефтью, газом и ураном³.

Интересы Китая к нефтяным ресурсам Центральной Азии связаны с Казахстаном, так как только эта страна ЦА располагает относительно высокими экспортными возможностями по нефти. Экспортные возможности Туркменистана крайне незначительны, а остальные государства региона являются нетто-импортерами нефти/нефтепродуктов.

Доля нефти в энергетическом балансе КНР составляет не менее 30%. Китай находится в жесткой зависимости от импорта нефти. В среднесрочной перспективе эта зависимость, скорее всего, будет только возрастать. Так, по данным Министерства природных ресурсов КНР, в 2009 году Китай добыл 189 млн. тонн нефти, а импортировал – 199 млн. тонн: то есть зависимость Китая от

³В частности уголь региона не имеет сколько-нибудь важного значения для КНР, так как китайские запасы угля более чем на порядок превосходят суммарные запасы угля центральноазиатских стран.

внешних поставок нефти составила чуть более 50%⁴. По оценкам же Государственного комитета по делам развития и реформ КНР, к 2020 году потребность Китая в нефти составит уже порядка 560-600 млн. тонн, а зависимость Китая от внешних поставок «черного золота» составит не менее 65%. Это означает, что КНР в 2020 году придется импортировать не менее 365-390 млн. тонн нефти⁵.

Учитывая данные обстоятельства, Китай предпринимает все более активные усилия в плане закрепления на нефтяных месторождениях различных стран и регионов мира, в том числе и в Казахстане. Уровень китайского присутствия в казахстанской нефтегазовой отрасли уже гораздо выше российского. Так, по итогам 2008 года, китайские компании (в основном КННК/CNPC) добыли в Казахстане примерно 15 млн. тонн нефти, что составляет около 21% от общего объема нефтедобычи в республике, то есть, почти в 2,5 раза больше чем российские. После приобретения в Казахстане ряда активов в нефтегазовой отрасли и по итогам 2009 года, китайские компании вышли на уровень добычи в 18 млн. тонн нефти (около 23% от общего объема нефтедобычи в республике)⁶.

Тем не менее, экспортные возможности Казахстана в китайском направлении все же представляются незначимыми: большая часть казахстанской нефти уже экспортируется в западном направлении. По итогам 2009 года западным ТНК принадлежало около 50% добытой в Казахстане нефти (около 38 млн. тонн), а самому Казахстану – примерно 19% (чуть больше 14 млн. тонн). К тому же западные компании участвуют в разработке именно наиболее крупных (хотя и более сложных в освоении) месторождений, в том числе и «Тенгиз», где сосредоточено свыше 50% всех разведанных нефтяных запасов Казахстана⁷.

Экспорт нефти в КНР осуществляется по нефтепроводу «Атасу – Алашанькоу», однако до сих пор остается проблема наполняемости нефтепровода. Так в 2009 году объем экспорта казахстанской нефти в Китай составил примерно 6,2 млн. тонн, в то время как пропускная способность первой нитки нефтепровода «Атасу – Алашанькоу» составляет около 10 млн. тонн в год. При этом сам Казахстан пока не в состоянии гарантировать поставку данного объема нефти. В частности, в период 2007–2009 годов, по нефтепроводу «Атасу – Алашанькоу» прокачивалась также и российская нефть⁸. В итоге, современные возможности Казахстана по экспорту нефти в КНР (без учета т.н. «большой нефти» с шельфовых месторождений казахстанского участка Каспийского моря, которая ожидается после 2012 года) находятся в пределах 6-8 млн. тонн в год. Это составляет около 3% от

⁴Китай импортировал 51% нефти. / Сайт информационного агентства «Экономический Союз» (Украина), 22 января 2010 года, <http://www.economics.unian.net/rus/detail/33872>

⁵Ежегодные потребности Китая в нефти к 2020 году достигнут 560-600 млн. тонн. / Агентство ИТАРТАСС (Россия), 29 сентября 2009 года, http://www.gazeta.ru/news/business/2009/09/23/n_1406734.shtml

⁶Для сравнения: российские компании контролируют около 8% добычи. По итогам 2008 года, российские компании (в основном «ЛУКОЙЛ») добыли в Казахстане всего около 5,9 млн. тонн нефти, что составляет лишь 8,2% от общего объема добытой нефти (72 млн. тонн). В свою очередь, по итогам 2009 года «ЛУКОЙЛ» добыл около 6,4 млн. тонн нефти, что составляет порядка 8,3% от общего объема добычи (чуть больше 76 млн. тонн).

⁷При этом, в разработке месторождения «Тенгиз» российская сторона представлена лишь компанией LUKARCO (дочерняя компания «ЛУКОЙЛа»), располагающей всего 5% активов.

⁸Так в 2009 году по указанному нефтепроводу было прокачено 1,5 млн. тонн российской нефти с западно-сибирских месторождений.

нефтяного импорта Китая в 2009 году и около 1,8% от оценочного объема китайского нефтяного импорта в 2020 году.

В дальнейшем роль и место Казахстана в поставках нефти в Китай определятся фактором начала добычи «большой нефти» с шельфовых месторождений казахстанского участка Каспийского моря. Когда это произойдет интересы Китая и, соответственно, активность китайских компаний в Казахстане, скорее всего, кардинально возрастут. Кроме того, повысится вероятность конфликта китайских нефтяных интересов с интересами западных стран и западных ТНК. Также нельзя исключать определенной конкуренции между КНР и РФ, но, очевидно и то, что эта конкуренция не будет в эпицентре международной борьбы за нефтяные ресурсы Казахстана. Как представляется, основная борьба за казахстанскую «большую нефть» развернется все же между китайскими и западными нефтяными компаниями.

Впрочем, нельзя полностью исключить и сценарий, связанный с тем, что надежды на «большую нефть» с казахстанского участка шельфа Каспийского моря значительно преувеличены: как по объемам, так и по срокам начала добычи «черного золота». На данную мысль наводит то, что Китай не спешит вкладывать средства в освоение шельфа Каспия, а сами сроки поступления на рынок нефти с казахстанских морских участков (в частности, с месторождения «Кашаган») многократно переносились. Более того, те же российские нефтегазовые компании, пробуравив несколько «сухих скважин», в 2009 году заметно охладели к реализации шельфовых проектов в Казахстане.

Интересы Китая к газовым ресурсам Центральной Азии связаны в основном с Туркменистаном, так как только эта центральноазиатская страна обладает высокими экспортными возможностями по газу и способна экспортировать большую часть добываемого газа. Экспортные возможности Узбекистана и Казахстана (по крайней мере, на современном этапе) по газу не велики, так как большая часть добытого газа приходится на внутреннее потребление. К тому же, большая часть будущего казахстанского и узбекского газового экспорта уже законтрактована российским «Газпромом». В свою очередь, Кыргызстан и Таджикистан не располагают промышленными запасами газа.

Более того и сама зависимость Китая от импорта газа представляется не существенной. Это связано с тем, что выработка электроэнергии в КНР осуществляется преимущественно на основе угля, доля которого в энергетическом балансе Китая составляет порядка 64%, в то время как доля природного газа не превышает 3%. К тому же, в КНР есть немалые собственные запасы газа, и в рамках программы газоснабжения страны китайское руководство предусматривает кардинальное наращивание объемов добычи собственного газа. Так, по данным Энергетического института при Госкомитете по делам развития и реформ КНР, за период 2000–2009 годы объем добычи газа в Китае увеличился примерно в 3 раза – с 32,5 до 96,4 млрд. кубических метров, при этом среднегодовой прирост добычи составил около 13%⁹.

Вплоть до 2009 года включительно Китай в основном обеспечивал свои потребности в газе. Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что серьезного дефицита газа Китай не испытывает и в ближайшие годы

⁹В 2020 году потребность Китая в природном газе ожидается на уровне 200 млрд. кубометров. / Сайт электронного издания «Нефть России» (Россия), 2 апреля 2010 года, <http://www.oilru.com/news/170488/>

испытывать скорее всего не будет, а импортный газ рассматривается в КНР только в качестве дополнения к собственной добыче. Среднесрочные прогнозы относительно добычи/потребления газа в КНР сильно разнятся.

Так, по данным Международного энергетического агентства, прогнозируется, что в 2020 году нетто-импорт газа в Китае будет не больше 30-40 млрд. кубометров, что даже меньше современных экспортных возможностей Туркменистана (около 60 млрд. кубических метров в год). В свою очередь, по ряду китайских экспертных оценок, в 2020 году КНР будет потреблять около 200 млрд. кубических метров газа, в то время как собственная добыча составит порядка 120 млрд. кубических метров. Следовательно, нетто-импорт газа в Китае к этому времени может достигнуть не менее 80 млрд. кубических метров в год¹⁰. Причем, газ будет востребован преимущественно в юго-восточных промышленно развитых районах КНР.

Теоретически, Туркменистан к 2020 году смог бы удовлетворить и эти потребности Китая. В советское время объем добычи газа в Туркменистане превышал 90 млрд. кубических метров, а объем экспорта – составлял свыше 70 млрд. кубических метров (по результатам 1990 года). Реальные же экспортные возможности Туркменистана представляются значительно выше данных показателей, учитывая открытые уже после обретения Туркменистаном независимости газовые месторождения. В постсоветский период Ашгабат еще при покойном президенте С.Ниязове, возлагая большие надежды на открытое в конце 90-х годов гигантское месторождение «Южный Иолотань», планировал к 2020 году добывать примерно 250 млрд. кубических метров газа, а экспортировать – порядка 200 млрд. кубических метров. Даже если допустить, что данные планы чрезмерно оптимистичны, то, по крайней мере, половину от указанных выше объемов добычи/экспорта Туркменистан к 2020 году все же смог бы обеспечить. Тем более, что с 2010 года Туркменистан получил возможность экспортировать газ уже и в китайском направлении (помимо российского и иранского). Так в декабре 2009 года была введена в строй первая ветка магистрального газопровода «Туркменистан – Китай» пропускной способностью 13 млрд. кубических метров в год. К 2011 году планируется ввести в эксплуатацию и вторую ветку. В итоге, газопровод «Туркменистан – Китай» реально может выйти на свою проектную мощность – 40 млрд. кубических метров газа, а затем приступить к ее увеличению.

Однако усиление позиций Китая в Туркменистане представляется нежелательным с точки зрения долгосрочных и стратегических интересов России. Это объясняется тем, что РФ не в меньшей, а возможно и в большей степени, нежели КНР заинтересована в доступе к туркменскому газу. Поставки газа из Центральной Азии, которые осуществляются в основном из Туркменистана, уже играют заметную роль в обеспечении энергетической безопасности России¹¹, а в случае начала реализации промышленно-

¹⁰Газовые аппетиты Поднебесной: атомная смесь. / Сайт информационного агентства «Проатом» (Россия), 11 мая 2006 года, <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=481>

¹¹До мирового экономического кризиса импорт газа из Туркменистана помогал России поддерживать высокий уровень внутреннего потребления и одновременно выполнять экспортные обязательства перед Европой и рядом стран «ближнего зарубежья». Это было особенно важно с учетом того факта, что основные российские газовые месторождения, разработанные еще в советское время, уже в значительной степени истощены. Разработка же новых газовых месторождений, расположенных в арктической климатической зоне, сопряжена с огромными технологическими трудностями и финансовыми затратами. Основным поставщиком газа извне для России был и остается только Туркменистан.

инновационного курса развития – значение туркменского газа только вырастет¹².

Тем не менее, вокруг экспортных поставок туркменского газа уже складывается непростая ситуация. Дело в том, что Ашгабат, особенно в период нахождения у власти С.Ниязова, целенаправленно формировал предельно жесткую конкурентную среду вокруг своего газового экспорта, рассчитывая получить возможность маневра между Россией и Китаем, основными претендентами на туркменское «голубое топливо», и продавать свой газ по максимально возможной цене. Вместо этого Туркменистан все больше рискует внести во многом искусственные сложности как в свои отношения с Китаем, так и с Россией. И если в дальнейшем, особенно по мере прохождения активной фазы мирового кризиса, Россия не будет гарантированно получать туркменский газ в уже оговоренных объемах, то ей, по всей видимости, придется уменьшать свой газовый экспорт в Европу (или на Украину и в Белоруссию). В свою очередь, Пекин может жестко отреагировать на то, что Туркменистан, выполняя обязательства перед Россией (в полном объеме наполняя газопровод «Средняя Азия – Центр»), в то же время не выполнит своих обязательств перед Китаем¹³.

Впрочем далеко не факт, что вышеизложенная ситуация приведет к конфликту российско-китайских энергетических интересов в Туркменистане. Китай принимает меры по диверсификации импорта газа, прорабатывая вариант поставок «голубого топлива» помимо Туркменистана, из Мьянмы, из той же России, а также сжиженного газа из ряда стран Ближнего Востока. К тому же, в будущем нельзя исключать варианта продления газопровода «Туркменистан – Китай» до газовых месторождений Ирана. В этом случае для России и Китая откроются широкие возможности для сотрудничества в газовой сфере, а также доступ к огромным запасам иранского газа.

Интересы Китая к урановым ресурсам Центральной Азии связаны в основном с Казахстаном, а в перспективе, возможно, и с Узбекистаном, так как именно в этих центральноазиатских странах сосредоточены практически все запасы урановых руд региона, а также наиболее богатые и рентабельные месторождения урановых руд бывшего СССР¹⁴.

Высокий интерес Китая к урановым месторождениям Центральной Азии связан с тем, что в КНР реализуется программа форсированного развития атомной энергетики, предполагающая масштабное строительство атомных

¹²Хотя в условиях мирового кризиса и снижения спроса на газ, потребность России в туркменском газе существенно уменьшилась, тем не менее в будущем, когда мировая экономика и, соответственно, спрос на газ будут расти, то импорт туркменского газа вновь станет играть немаловажную роль в поддержании газового баланса РФ.

¹³Судя по «газовому конфликту» между Россией и Туркменистаном, который разразился после взрыва на туркменском участке газопровода «Средняя Азия – Центр» в ночь с 8 на 9 апреля 2009 года, Ашгабат готовится к тому, чтобы в перспективе решать дилемму перераспределения газовых потоков в пользу маршрута «Туркменистан – Китай». Тот факт, что туркменское руководство использовало по сути чисто техническую аварию для раздувания политического скандала, по-видимому, свидетельствует о желании Туркменистана в случае возникновения в будущем напряженной ситуации вокруг поставок газа иметь весомый предлог для срыва обязательств перед «Газпромом» по заключенным контрактам, обвинив его в «ненадежности». Тем более, что для выполнения Туркменистаном в полном объеме обязательств перед российской компанией необходимы предварительные масштабные работы по модернизации и расширению пропускной способности газопровода «Средняя Азия – Центр», которые сможет осуществить только сам «Газпром».

¹⁴Свыше 95% мирового производства урана дают всего 8 стран: Канада, Австралия, **Казахстан, Россия**, Нигер, Намибия, **Узбекистан** и США.

электростанций. В 2009 году суммарная мощность китайских АЭС составила 8,85 млн. кВт, а их доля в электроэнергетической отрасли – около 1,9%. К 2020 году Китай планирует построить 32 новые АЭС, увеличив мощности атомной электроэнергетики до 40 млн. кВт. При этом доля АЭС в электроэнергетике КНР увеличится до 4%. К 2030 году предполагается довести долю АЭС в электроэнергетике до 7%¹⁵. Для достижения данной цели в Китае уже сформирован целевой «атомный» бюджет в размере 60,3 млрд. долларов. Главная проблема для Китая заключается в том, что масштабы собственного производства урана невелики: в 2009 году они составили примерно 900 тонн¹⁶, что обеспечило около 50% внутренней потребности. Примерно еще такое же количество урана было импортировано (в основном из Казахстана).

В дальнейшем, по мере наращивания мощностей АЭС, Китаю неизбежно придется увеличивать объемы импорта урана. По оценкам китайских экспертов, к 2020 году потребности Китая в уране достигнут порядка 8 тыс. тонн¹⁷. Как представляется, именно на центральноазиатский уран Китай делает важную ставку, особенно учитывая то, что географически близко расположенные Казахстан и Узбекистан, не имеют собственных атомной энергетики и мощностей по глубокой переработке урана (в отличие, например, от России), а поэтому способны экспортировать практически все 100% «атомного сырья».

Однако интересы КНР по наращиванию объемов экспорта урана из ЦА в долгосрочной (но не среднесрочной) перспективе могут войти в противоречие с интересами РФ¹⁸. Тем не менее, сам конфликт российско-китайских интересов из-за центральноазиатского урана все же представляется маловероятным. У того же Китая есть возможности закупать уран и в ряде других стран – крупнейших производителей урана, в первую очередь в Австралии и некоторых африканских государствах. В частности, еще в 2006 году Китай заключил долгосрочное соглашение с Австралией о поставках урана.

И, наоборот, возможности для сотрудничества России, Китая и стран Центральной Азии колоссальны. Соединение научно-технического и промышленного потенциала Китая и России с ресурсной базой Центральной Азии позволит совершить системный прорыв в комплексном развитии атомной

¹⁵ К 2020 году потребности Китая в уране вырастут в 4-6 раз. / Сайт агентства «Эдвайс» (Россия), 21 мая 2007 года, <http://www.advis.ru/cgi-bin/new.pl?F9D9C4B5-8A6F-1C42-972A-DEDE851A3293>

¹⁶ Для сравнения: в Казахстане объем производства урана в 2009 году составил около 12 000 тонн, а в Узбекистане – примерно 2500 тонн.

¹⁷ Правительство Китая разрабатывает новую политику в области освоения урановых месторождений. / Сайт исследовательского Центра «Атом инновации» (Россия), 11 июля 2007 года, <http://www.runtech.ru/node/501>

¹⁸ В соответствии с «Энергетической стратегией России на период до 2020 года», растущие потребности в электроэнергии планируется покрывать за счет увеличения мощностей АЭС. В настоящее время доля АЭС в российской электроэнергетике составляет около 16%, а к 2020 году планируется быть увеличена до 25%. При этом потребности России в уране к 2020 году составят примерно 20,5 тыс. тонн. Пока же РФ производит около 3 тыс. тонн урана, что составляет около 20% от ее нынешних потребностей. Дефицит покрывается за счет накопленных еще в советское время складских запасов, которые, по оценкам ряда экспертов, как раз к 2020 году могут быть исчерпаны. Как представляется, к этому времени и возникнет острая потребность России в центральноазиатском уране. Тем более, что в отличие от России именно в Казахстане и Узбекистане сосредоточены не менее 80% высокорентабельных и коммерчески привлекательных запасов урана (имеются ввиду месторождения, где условия позволяют производить высокорентабельную и наименее затратную добычу методом скважинного подземного выщелачивания).

энергетики всех стран, став принципиально важным фактором в основе реального (а не декларативного как сейчас) стратегического партнерства в рамках ШОС, положив начало реальной экономической интеграции, полностью обеспечив энергетические потребности для промышленно-инновационного развития.

Глава 2. Китайские проекты в отраслях ТЭК стран Центральной Азии: современное состояние, проблемы и перспективы

Магистральным направлением экономической деятельности Китая и китайских компаний в Центральной Азии является нефтегазовое, где основной интерес фокусируется на Казахстане и Туркменистане¹⁹, странах, обладающих значительным углеводородным потенциалом и высокими экспортными возможностями. И хотя нефтегазовый вектор пока остается главным в энергетической и, в целом, в экономической политике Китая в Центральной Азии, тем не менее, некоторая диверсификация экономической активности КНР в странах ЦА по отраслям экономик также имеет место. В частности, среди отраслей ТЭК помимо нефтегазовой отрасли, китайские интересы в регионе в последние годы все больше затрагивают атомную энергетику (Казахстан), электроэнергетику (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан), а также угольную отрасль (Кыргызстан). В результате, экономическое влияние Китая в Центральной Азии постепенно распространяется уже и на Таджикистан и Кыргызстан, которые не имеют промышленных запасов углеводородов, а также на Узбекистан, который, обладает промышленными запасами нефти и газа, но не располагает высокими возможностями по их экспорту²⁰.

С точки зрения долгосрочных интересов России последствия усиления проектной активности Китая и китайских компаний в отраслях ТЭК государств региона могут быть крайне неоднозначными, причем в зависимости от характера политики самой РФ. С одной стороны, в случае

¹⁹ Доказанные запасы нефти в **Казахстане** составляют примерно 5,4 млрд. тонн (около 3% мировых запасов), а газа – примерно 1,8 трлн. кубических метров (порядка 2% мировых запасов). Доказанные запасы нефти в **Туркменистане** составляют примерно 100 млн. тонн (порядка 0,06% мировых запасов), а газа – примерно 2,9 трлн. кубических метров (3,2% мировых запасов). Источники: данные по запасам нефти – «Бритиш Петролеум» (BP Statistical Review of World Energy, June 2006) – Л.С. Беляев, В.В. Бушуев, М.Р. Ластовская, А.В. Лебедев, О.В. Марченко, П.А. Сергеев, С.В. Соломин, С.В. Филиппов под редакцией В.В. Бушуева. Мировая энергетика: состояние, проблемы, перспективы. – Москва: ИД «Энергия», 2007 год. – С.588; данные по запасам газа – Oil & Gas Journal (Oil & Gas Journal, N 103.47, 2005, pp.24-25) – Л.С. Беляев, В.В. Бушуев, М.Р. Ластовская, А.В. Лебедев, О.В. Марченко, П.А. Сергеев, С.В. Соломин, С.В. Филиппов под редакцией В.В. Бушуева) Мировая энергетика: состояние, проблемы, перспективы. – Москва: ИД «Энергия», 2007 год. – С.587. Официальные данные **Туркменистана** относительно запасов нефти и газа значительно превышают данные авторитетных зарубежных источников. Так, по туркменским оценкам, запасы нефти составляют 15 млрд. тонн, а газа – около 24 трлн. кубических метров. Газовая индустрия Туркменистана: перспективы развития. / Информационный портал «ТуркменИнформ» (Туркменистан), 24 апреля 2009 года, <http://www.turkmeninform.com/ru/press/2009/04/25/0000981.htm>

²⁰ **Узбекистан** входит в число ведущих мировых производителей газа, а его прогнозные запасы составляют примерно 2,2% от общемировых запасов. Доля страны в общемировом объеме добычи достигает 2,5%. По состоянию на 2008 год, доказанные запасы природного газа в республике составили свыше 2 трлн. кубических метров, а нефти – 82 млн. тонн, газового конденсата – 160 млн. тонн. Прогнозные же запасы газа оцениваются в 5,9 трлн. кубических метров, нефти – 817 млн. тонн, газового конденсата – 360 млн. тонн. В последние годы Узбекистан добывает более 60 млрд. кубических метров газа, направляя от 40 до 49 млрд. для внутреннего потребления и от 10 до 16 млрд. – на экспорт. В то же время, Узбекистан зависит от импорта нефти и эта зависимость в перспективе будет только увеличиваться. Как ожидается, в последующие несколько лет Узбекистан будет вынужден импортировать не менее 4,2 млн. тонн нефти. Источники: сайт Национального информационного агентства Республики Узбекистан, <http://www.uza.uz>; сайт Национальной холдинговой компании «Узбекнефтегаз», <http://www.uzneftegaz.uz>

если Россия продолжит курс на «сырьевую ориентацию» своей экономики, то может сложиться ситуация, когда осваивая энергоресурсы Центральной Азии и закрепляясь в экономиках стран региона, Китай будет все больше выступать в роли конкурента слабеющей России (другой вариант: Россия будет вынуждена все больше идти в фарватере интересов Китая избегая и самой конкуренции с ним). **С другой стороны**, представляется, что в случае выбора РФ промышленно-инновационного курса развития проникновение КНР и китайских компаний в энергетический сегмент Центральной Азии откроет именно для России наиболее уникальные возможности для развития на территории региона взаимовыгодного и многостороннего сотрудничества с Китаем.

Уникальность этих возможностей продиктована еще и тем, что китайское руководство и китайские государственные компании (в отличие от руководства и частных компаний тех же стран Запада) реализуют наиболее прозрачную по отношению к России политику, продолжают не только выражать, но и демонстрировать готовность учитывать российские интересы и, более того, согласовывать свои подходы к региону. Тем более, что именно западные страны и ТНК все больше выступают в роли реальных конкурентов как РФ, так и КНР, пытаются переформатировать постсоветское пространство в рамках выгодных им схем развития, закрепив за Россией и другими странами СНГ роли сырьевых придатков экономик государств Запада.

В целом, как представляется, именно растущая общность геополитических и геоэкономических интересов, а также вовсе не декларативная готовность Китая к сотрудничеству с Россией и странами Центральной Азии могли бы стать фундаментом для запуска процесса реальной экономической интеграции на постсоветском и «шанхайском» пространствах, постепенному становлению ЕврАзЭС и ШОС как экономических блоков. Однако, многое зависит именно от политики России и того, сумеет ли она выстроить эффективную и взаимовыгодную схему сотрудничества с Китаем вообще и в отраслях ТЭК. В частности, речь идет о такой схеме, которая далеко выходила бы за пределы современного коммерческого формата отношений – купли/продажи и транспортировки энергоресурсов.

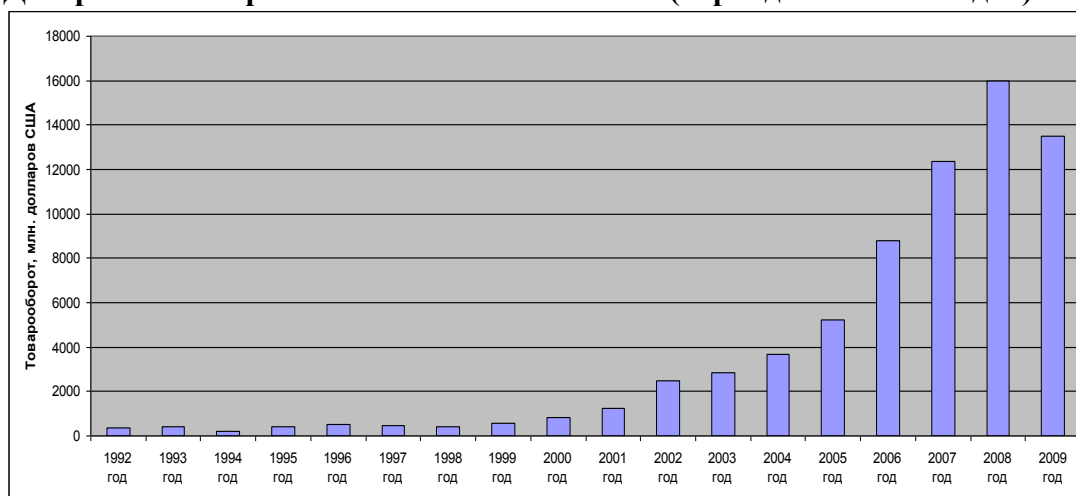
Как представляется, именно через призму поиска возможностей для сотрудничества с КНР и следует рассматривать китайскую проектную активность в отраслях ТЭК стран Центральной Азии, при этом понимая, что эти возможности будут реальны только в случае системной перестройки в сферах экономики, политики и безопасности самой РФ.

Китайские проекты в ТЭК Казахстана

С момента установления дипломатических отношений Казахстан рассматривается Китаем в качестве основного объекта экономического и, в первую очередь, энергетического интереса в Центральной Азии. Однако в первой половине 90-х годов экономическое присутствие Китая в Казахстане было крайне незначительным и ограничивалось исключительно торговлей. Во второй половине 90-х годов экономическое и, в частности, энергетическое проникновение Китая в Казахстан заметно интенсифицировалось. Важным стимулом повышения интереса Китая к Казахстану явился рост потребностей китайской экономики в энергоресурсах, в первую очередь нефти, что обусловило начало проектно-инвестиционной деятельности китайских компаний в республике. Ведущие энергетические корпорации из Китая стали

приобретать активы в нефтегазовой отрасли Казахстана и принимать участие в освоении углеводородных месторождений на западе страны. С началом первого десятилетия XXI века масштабы и глубина китайского экономического, в том числе энергетического проникновения в Казахстан обозначились еще более отчетливо. Это выразилось и в значительном увеличении китайского торгового присутствия на казахстанском рынке. В период 2001–2008 годов поставки товаров из Китая возросли в 11,3 раза – с 0,74 до примерно 8,4 млрд. долларов, а общий товарооборот – с 1,25 до порядка 16 млрд. долларов. В 2009 году объем китайского экспорта в Казахстан уменьшился на 10,5% по сравнению с предыдущим годом и составил 7,514 млрд. долларов, а общий товарооборот – на 15,5% – до 13,482 млрд. долларов (диаграмма 1).

Диаграмма 1. Торговля Китая с Казахстаном (период 1992–2009 годов)

Источники: данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана; данные за период 2002–2009 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана.

Однако структура самой торговли свидетельствует о ярко выраженной экспортно-сырьевой ориентации Казахстана. Так, например, в 2008 году свыше 93% поставок в КНР пришлось на сырьевые ресурсы (**энергоносители – около 82%**, черные и цветные металлы – примерно 12%). В свою очередь, ассортимент товаров, поставляемых из Китая, включал продукцию машиностроения и металлообработки (около 53%), продовольствие и товары широкого потребления (порядка 35%) и другие товары (таблица 1).

Таблица 1. Товарная структура торговли Китая с Казахстаном (2008 год)

Наименование	Поставки из Китая в Казахстан		Поставки в Китай из Казахстана	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Химическая продукция	-	-	266	3,5
Черные и цветные металлы	-	-	1156	15,2
Энергоносители	-	-	5549	73,0
Машины и оборудование	3412	40,8	-	-
Продовольствие и	2968	35,5	-	-

прочие товары широкого потребления				
Прочее	1004	11,7	631	8,3
Всего	8362	100	7602	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана (Kazakhstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, March 2010).

Рассматривая Казахстан как основного торгово-экономического и энергетического объекта интереса в Центральной Азии, Китай начал проводить и более активную кредитную политику, финансируя на льготных условиях те или иные проекты, в которых основная часть кредитов осваивается именно китайскими компаниями. Помимо нефтегазовой отрасли, проектно-инвестиционная деятельность стала затрагивать и целый ряд других отраслей казахстанской экономики. Общие объемы финансовых ресурсов, так или иначе вложенных Китаем в казахстанскую экономику, оцениваются не менее чем в 23,6 млрд. долларов, включая примерно 11 млрд. долларов инвестиций, 0,55 млрд. долларов кредитов и 12,1 млрд. долларов – приобретенных активов²¹ (преимущественно в нефтегазовой отрасли), из которых на отрасли ТЭК приходится свыше 95% всех перечисленных средств.

В целом, масштабы экономического, в том числе энергетического, присутствия КНР в Казахстане уже представляются значительными. Тем более, что деятельность Китая и китайских компаний по-прежнему затрагивает главным образом сырьевые отрасли казахстанской экономики, хотя Астана и пытается нацеливать китайский интерес на перерабатывающие отрасли, а также в целом на развитие промышленного и инновационного сотрудничества.

Нефтегазовая отрасль

Освоение нефтяных месторождений «Жаназол», «Кенкияк (надсолевой)» и «Кенкияк (подсолевой)» (Актюбинская область, северо-западная часть Казахстана). Месторождения были открыты еще в советское время. Их запасы оцениваются соответственно в 121, 25 и 28 млн. тонн нефти. Месторождения осваиваются Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (Chinese National Petroleum Corporation, КННК / CNPC). Оператором проекта является акционерное общество «КННК-Актобемунайгаз». За период 1997-2007 годов КННК инвестировала в освоение данных месторождений порядка 2,55 млрд. долларов. В 2008 году на месторождениях добыто 6 млн. тонн нефти. Корпоративными планами на 2009 год был предусмотрен объем добычи на уровне 6,25 млн. тонн. Однако в 2009 году объем добычи нефти снизился примерно на 4,2% – 6 до 5,75 млн. тонн. Еще в мае 2009 года КННК объявила о том, что откладывает на неопределенный срок планы строительства дополнительных мощностей Жаназольского газоперерабатывающего завода по причине невозможности (по крайней мере, в среднесрочной перспективе) нарастить объемы добычи углеводородов²².

Освоение нефтяных месторождений «Сазан-Курак» и группы нефтяных месторождений Адайского блока (Атырауская область, западная часть

²¹По состоянию на начало 2010 года.

²²Кризис, прощай. Казахстан добывает больше нефти, чем до кризиса, но меньше, чем планировал. / Сайт Сайт казахстанской ассоциации организаций нефтегазового и энергетического комплекса, 16 февраля 2010 года, <http://www.kazenergy.com/content/view/11425/512/lang.ru/>

Казахстана). Запасы месторождения «Сазан-Курак» оцениваются в 26 млн. тонн, а запасы месторождений Адайского блока – в 200-350 млн. тонн нефти. Первоначально эти месторождения осваивала американская компания First International Oil Company (FIOC). Причем по месторождениям Адайского блока FIOC владела 50% акций в партнерстве с российской нефтяной компанией «Роснефть». В 2004 году китайская компания «Синопек» (Sinopec) выкупила за 160 млн. долларов активы FIOC в Казахстане. Суммарный объем добычи нефти на данных месторождениях составляет порядка 200 тыс. тонн в год.

Освоение Кумкольской группы нефтяных месторождений (Кызылординская и Карагандинская области, центральная часть Казахстана). Суммарные запасы нефти данных месторождений составляют примерно 92 млн. тонн нефти. Первоначально месторождения осваивала компания PetroKazakhstan Inc., дочерняя структура канадской компании Hurricane Hydrocarbon Ltd. В 2005 году КННК приобрела у Hurricane Hydrocarbon Ltd. за 4,18 млрд. долларов 100% акций компании PetroKazakhstan Inc. с обязательством инвестировать 43 млрд. долларов в освоение данной группы месторождений в течение 20 лет. В свою очередь, согласно официальной информации, в 2006 году «КазМунайГаз» выкупил у КННК 33% акций PetroKazakhstan Inc. за 1 млрд. долларов (скорее же всего, эти акции КННК просто переуступила в обмен на некие преференции). В течение 2006–2009 годов инвестиции КННК в освоение данной группы месторождений составили не менее, чем 5 млрд. долларов. Ежегодно PetroKazakhstan Inc. добывает в среднем около 3,75 млн. тонн нефти, а в 2009 году добыто 3,89 млн. тонн. Всего же за период 1996-2009 годов на Кумкольской группе месторождений было добыто свыше 50 млн. тонн нефти.

Освоение нефтяного месторождения «Каржанбас» (Мангистауская область, западная часть Казахстана). Запасы месторождения оцениваются примерно в 55 млн. тонн нефти. Первоначально месторождение осваивалось ОАО «Каржанбысмунай», дочерней структурой канадской компании Nations Energy Co. Ltd. В 2006 году Китайская государственная инвестиционная корпорация CITIC GROUP выкупила 94,62% акций ОАО «Каржанбасмунай» за 1,9 млрд. долларов. В среднем на месторождении «Каржанбас» добывается незначительным более 2 млн. тонн нефти ежегодно, в 2009 году добыто 1,9 млн. тонн нефти. Всего же за период 1996–2009 годов добыто около 21-22 млн. тонн.

Планы по подготовке к геологоразведке и последующему освоению нефтегазового месторождения «Дархан» (северная часть казахстанского участка шельфа Каспийского моря). Прогнозные запасы месторождения оцениваются в пределах 0,4-1,4 млрд. тонн нефти. Еще в 2005 году КННК подписала с НК «КазМунайГаз» меморандум о геологоразведке и разработке данного месторождения. Позднее «КазМунайГаз» подал заявку в Кабинет министров РК на проведение прямых переговоров для получения права недропользования на «Дархане» на условиях соглашения о разделе продукции (СРП). В октябре 2008 года состоялась встреча глав правительств двух стран, которые заявили о намерении ускорить подписание соглашения по месторождению «Дархан». Однако сроки реализации проекта и характер китайского участия в нем пока представляются неясными, так как новый налоговый кодекс Казахстана, который вступил в силу с 1 января 2009 года, не предусматривает больше такой формы контракта как СРП.

Приобретение 11% акций государственной нефтяной компании «Разведка Добыча – КазМунайГаз». В 2009 году Китайский государственный инвестиционный фонд CIC приобрел за 0,939 млрд. долларов 11% акций государственной нефтяной компании «Разведка Добыча – КазМунайГаз». Эта дочерняя структура «КазмунайГаза» является крупнейшей нефтедобывающей компанией Казахстана, а на ее долю приходится около 17% добываемой в республике нефти.

Приобретение 48% акций частной нефтяной компании ОАО «Мангистаумунайгаз». На данную компанию приходится порядка 8-10% добываемой в Казахстане нефти, а в ее собственности находятся 36 нефтегазовых месторождений на территории Мангистауской области (западная часть Казахстана) с суммарным запасом нефти около 180 млн. тонн, 58% акций Павлодарского нефтеперерабатывающего завода и крупная сеть автозаправочных станций. С 1998 года владельцем ОАО «Мангистаумунайгаз» была компания Central Asia Petroleum Ltd. (Индонезия). В январе 2009 года индонезийская компания и НК «КазМунайГаз» подписали договор о приобретении «КазМунайГазом» 50% + 2 голосующие акции «Мангистаумунайгаза». На остальные 48% акций ОАО «Мангистаумунайгаз» претендовала китайская КННК. После визита в Китай в апреле 2009 года президента Казахстана факт того, что именно КННК приобретет 48% акций «Мангистаумунайгаз» стал очевиден: в рамках заключенного договора о предоставлении Казахстану китайского кредита в размере 10 млрд. долларов, 5 млрд. долларов из объема данных средств было выделено непосредственно для «КазМунайГаза». В конце ноября 2009 сделка по приобретению КННК акций «Мангистаумунайгаз» была оформлена через казахстанские биржевые структуры. По мнению казахстанских экспертов, продавец и покупатель воспользовались биржевой площадкой, чтобы уменьшить налоговые издержки.

Строительство и эксплуатация нефтепровода «Атасу – Алашанькоу». Нефтепровод введен в промышленную эксплуатацию в 2006 году. Его строительство стоимостью около 806 млн. долларов полностью профинансировано КННК. Протяженность нефтепровода составляет 962 километра, а проектная пропускная способность – до 10 млн. тонн в год. К 2011 году пропускную способность нефтепровода планируется увеличить до 20 млн. тонн, а еще через несколько лет – до 50 млн. тонн. Оператором проекта является китайско-казахстанская компания ТОО «Казахстано-китайский трубопровод». Учредителями данной компании на паритетных началах выступают АО «Казтрансойл» и Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа (CNODC). В 2007 году по «Атасу – Алашанькоу» было прокачено около 5 млн. тонн нефти. В 2008 году, когда по нефтепроводу, помимо казахстанской, стала поступать и российская нефть с западносибирских месторождений, общий объем прокаченного углеводородного сырья составил 6,35 млн. тонн нефти, что на 10,8% больше объемов предыдущего года. В 2009 году по нефтепроводу «Атасу – Алашанькоу» было прокачено 7,7 млн. тонн нефти (примерно на 21,2% больше предыдущего года), включая 6,2 млн. тонн казахстанской нефти и 1,5 млн. тонн транзитной российской нефти.

Строительство и эксплуатация нефтепровода «Кенкияк – Кумколь». В декабре 2007 года состоялась презентация проекта и было подписано соглашение об основных принципах строительства нефтепровода. Масштабные

работы по прокладке трубопровода начались в марте 2008 года. Субподрядчиком работ стала компания ТОО «Казахстанско-Китайский Трубопровод». Нефтепровод введен в строй в октябре 2009 года КННК и АО НК «КазМунайГаз». Его протяженность составляет 761 километр. «Кенкияк – Кумколь» является второй веткой нефтепровода из Казахстана в Китай (первой веткой является нефтепровод «Атасу – Алашанькоу»). Пропускная способность нефтепровода на начальном этапе составляет 10 млн. тонн нефти в год. В последующем она может быть увеличена до 20 млн. тонн в год. Ресурсной базы данного нефтепровода являются месторождения Актюбинской области и западного Казахстана. Официальный пуск в эксплуатацию данного нефтепровода состоялся в декабре 2009 года.

Строительство и эксплуатация газопровода «Жанажол – КС-13» (Актюбинская область, северо-западная часть Казахстана). Газопровод введен в эксплуатацию в 2005 году. Строительство осуществляла компания АО «КННК-Актобемунайгаз», которая в настоящее время является оператором по управлению данным газопроводом. Протяженность «Жанажол – КС-13» составляет около 150 километров, а пропускная способность – 5,2 млрд. кубических метров газа в год. Трубопровод соединил газоконденсатное месторождение «Жанажол» в Актюбинской области и компрессорную станцию № 13 на магистральной ветке «Бухара – Урал». Объем китайских инвестиций по данному проекту составил примерно 120 млн. долларов.

Строительство и эксплуатация казахстанского участка магистрального газопровода «Туркменистан – Китай». Данный участок общей протяженностью около 1300 километров является составной частью магистрального трубопровода «Туркменистан – Китай». Он представляет собой систему из двух параллельных трубопроводов с планируемым объемом прокачки до 40 млрд. кубических метров газа в год. Принципиальная договоренность о реализации проекта была достигнута еще в 2006 году, а само строительство началось летом 2008 года. Официальный пуск первой **ветки** газопровода состоялся в середине декабря 2009 года в присутствии председателя КНР Ху Цзиньтао и президента Казахстана Н.Назарбаева. Предполагается, что китайские инвестиции по проекту составят порядка 600 млн. долларов.

Планы по строительству газопровода «Бейнеу – Бозой – Акбулак – Шымкент». В апреле 2009 года в г.Пекине в ходе визита президента Казахстана в Китай, представители «КазМунайГаза» и КННК подписали меморандум о сотрудничестве в топливно-энергетической сфере. Китайская компания обязалась выделить 5 млрд. долларов (из 10 млрд. долларов общего кредита со стороны КНР). Около 3,6 млрд. долларов из данной суммы будут направлены на финансирование совместного строительства газопровода «Бейнеу – Бозой – Акбулак – Шымкент», протяженностью 1480 километров и проектной мощностью 10 млрд. кубических метров газа в год. Целью данного китайско-казахстанского проекта является обеспечение газом южных областей Казахстана, что позволит кардинально снизить их зависимость от поставок газа из соседнего Узбекистана. По состоянию на начало 2010 года проект находился на стадии ТЭО.

Планы по строительству нефтеперерабатывающего завода на приграничной с КНР территории Казахстана. Первоначально речь шла о

строительстве НПЗ в Китае, однако в апреле 2009 года Казахстан выступил с предложением запустить данное производство на своей территории. Планируется, что производственные мощности завода будут в значительной степени обеспечивать казахстанский рынок, а часть продукции также будет поставляться в Китай. Перспективы реализации данного проекта пока неясны.

Планы по строительству комплекса ароматических углеводородов²³ на Атырауском нефтеперерабатывающем заводе²⁴ (Атырауская область, западная часть Казахстана). В ходе рабочего визита в Казахстан в декабре 2009 года председателя КНР Ху Цзиньтао было подписано кредитное соглашение между Атырауским НПЗ и китайской нефтяной компанией Sinopec о строительстве на казахстанском предприятии нового современного комплекса по переработке углеводородного сырья. Работы на Атырауском НПЗ планируется начать в 2010 году после разработки и утверждения ТЭО проекта.

Оказание услуг нефтегазовым компаниям, действующим на территории Казахстана. В 2004 году китайская компания Bell-Alcatel подписала контракт на сумму примерно 11,2 млн. евро (на тот период около 15 млн. долларов) с итальянской нефтегазовой компанией Agip КСО на разработку интегрированного телекоммуникационного решения для морских и наземных нефтяных платформ Кашаганского нефтегазового месторождения (казахстанский сектор Каспийского моря). В рамках проекта Bell-Alcatel развернула транспортную сеть на базе оптических мультисервисных узлов OMSN (Optical Multi-Service Node) с функциональностью Ethernet и Gigabit Ethernet. Наряду с этим была также осуществлена поставка системы видеонаблюдения (CCTV), оповещения и радиосвязи.

* * *

Таким образом, реализуемые Китаем или с китайской финансовой поддержкой проекты в нефтегазовой отрасли Казахстана указывают на очевидную заинтересованность Пекина, в первую очередь, в освоении и разработке нефтяных месторождений. Расчеты показывают, что если в 2007 году китайским компаниям принадлежало порядка 10,65 млн. тонн добытого в Казахстане «черного золота» или примерно 16,8% общего объема казахстанской нефтедобычи, по результатам 2008 года – уже около 13 млн. тонн, или около 18,6% от общего объема добычи нефти. По итогам 2009 года, с учетом приобретения в Китайском государственном инвестиционном фондом CIC 11% акций государственной нефтяной компании «Разведка Добыча –

²³Ароматическими углеводородами называются соединения, в молекуле которых имеется циклическая группа атомов с особым характером связи – ядро бензола. Области применения получаемых ароматических продуктов разнообразны и многогранны. Наиболее широкое применение имеет бензол. Основным направлением использования бензола является производство этилбензола – целого ряда полимерных продуктов.

²⁴Атырауский НПЗ (до 1991 года Гурьевский) – одно из крупнейших предприятий Казахстана, введено в строй в 1945 году. НПЗ впервые осуществил переработку нефти с тенгизского месторождения со значительно большим содержанием светлых фракций и, одновременно, с высоким содержанием в ней метил-этилмеркаптанов, что потребовало для ее переработки тщательной подготовки и решения как технологических, так и экологических проблем. В настоящее время доля переработки нефти с тенгизского месторождения составляет 12%. Несмотря на недостаточность вторичных процессов, заводом достигнута глубина переработки 65%. При этом отбор светлых нефтепродуктов от нефти представляет в среднем 45,9%. В настоящее время Атырауский НПЗ способен перерабатывать 4,5 млн. тонн нефти. Владелец является АО «Торговый дом «КазМунайГаз»» (99,21%).

КазМунайГаз», а также покупки КННК 48% акций ОАО «Мангистаумунайгаз» КНР принадлежит уже 17,3 млн. тонн или около 22,8% добытой в Казахстане нефти.

Кроме того, в последние годы китайские структуры проявляют повышенный интерес к рынку нефтепродуктов Казахстана. Однако трудно прогнозировать возможные масштабы присутствия здесь Китая, поскольку рынок является весьма привлекательным для многих других стран и компаний. Поэтому китайские структуры скорее всего столкнутся с достаточно жесткой конкуренцией, в первую очередь, с российскими²⁵ и казахстанскими²⁶ компаниями.

Что же касается газового «сегмента», то Китай на современном этапе интересуют больше казахстанские возможности по транзиту «голубого топлива», нежели его непосредственная добыча. В то же время с вводом в строй магистрального газопровода «Туркменистан – Китай», нельзя исключать роста заинтересованности китайской стороны и в разработке газовых месторождений на территории Казахстана.

Атомная отрасль

С началом первого десятилетия XXI века Китай стал проявлять растущий интерес к атомной отрасли Казахстана. Еще в 2004 году Китайская национальная ядерная корпорация²⁷ подписала с НК «Казатомпром» контракт по добыче урана сроком до 2020 года. Данный контракт сопровождался договором о стратегической кооперации между Китаем и Казахстаном в области атомной энергетики. Уже в 2007 году между КНР и Казахстаном были достигнуты соглашения и о совместном производстве ядерного топлива.

Планы по производству и поставкам казахстанского ядерного топлива для китайских АЭС. В 2007 году Китайская Гуандунская ядерно-энергетическая корпорация (CGNPC) и НК «Казатомпром» подписали базовое соглашение о совместном производстве ядерного топлива для китайских атомных электростанций. Планируется, что добытый в Казахстане уран будет поступать в Китай для обогащения, а затем – обратно на Ульбинский металлургический комбинат (собственность НК «Казатомпром», расположен в Восточно-Казахстанской области), где пройдет переработку в ядерное топливо, которое будет направляться в Китай.

Добыча урановой руды на руднике «Ирколь» (Кызылординская область, южная часть Казахстана). В апреле 2009 года в г.Алматы на основе подписанного в 2007 году базового соглашения между Китайской Гуандунской ядерно-энергетической корпорацией и НК «Казатомпром» состоялось открытие китайско-казахстанского предприятия ТОО «Семизбай-У». В рамках данного СП предполагалось организовать совместную добычу урановой руды на

²⁵Так компания ОАО «Газпром нефть» (дочерняя структура «Газпрома») уже арендовала в Казахстане 11 нефтебаз и намерена развивать в республике сеть автозаправочных станций. Для этого в Казахстане во второй половине 2007 года было создано предприятие ООО «Газпром нефть – Казахстан». Уже в 2008 году в Казахстан из России в среднем стало поступать около 25–30 тыс. тонн нефтепродуктов ежемесячно.

²⁶Казахстан в отличие, например, от Кыргызстана и Таджикистана, располагает и ресурсной базой, и определенными инвестиционными возможностями. В частности, к 2010 году только «КазМунайГаз» планировал увеличить сеть АЗС в Казахстане более чем в 2 раза, доведя свою долю на рынке нефтепродуктов до 16%.

²⁷China National Nuclear Corporation / CNNC.

руднике «Ирколь», промышленная эксплуатация которого началась еще в советское время. Запасы природного урана на данном месторождении составляют примерно 19 тысяч тонн. Добыча урана осуществляется методом подземного скважинного выщелачивания. Предполагаемый объем добычи должен был составить порядка 750 тонн урана в год. Выход рудника на проектную мощность ожидается в 2010 году, а в 2009 году добыто порядка 500 тонн урана. В 2010 году планируется выйти на объемы добычи в 750 тонн/год. Данные объемы добычи предполагается поддерживать в течение 25 лет. По условиям соглашения, производимая на руднике «Ирколь» продукция предназначена для удовлетворения потребностей атомной энергетики КНР.

Планы участия Казахстана в строительстве АЭС на территории КНР. В апреле 2009 года НК «Казатомпром» и Китайская Гуандунская ядерно-энергетическая корпорация подписали меморандум о создании совместного предприятия по строительству атомных электростанций в Китае. Планировалось, что сфера деятельности данного СП будет включать строительные работы, строительный менеджмент и надзор за атомными объектами. Китайско-казахстанское предприятие должно будет финансироваться на паритетных условиях Китайской ядерно-энергетической инжиниринговой компанией (дочерняя структура Китайской Гуандунской ядерно-энергетической корпорации) и НК «Казатомпром». В перспективе не исключается привлечение к участию в СП и других акционеров.

* * *

Как представляется, налицо устойчивая тенденция активизации, углубления и расширения сотрудничества между КНР и Казахстаном в атомной отрасли, которая, наряду с нефтегазовой, становится стратегическим направлением экономической политики Китая в Казахстане и китайско-казахстанского экономического взаимодействия в целом. Более того, есть все основания утверждать, что уже в среднесрочной перспективе масштабы присутствия КНР в атомной отрасли Казахстана будут, по крайней мере, не меньше, чем в нефтегазовой отрасли. Дело в том, что Пекин уделяет приоритетное значение развитию атомной энергетики и до 2030 года планирует построить 100 новых АЭС.

В этой связи Астана скорее всего твердо решила найти и закрепить за собой нишу в атомной программе КНР. При этом очевидно, что Казахстан не может рассчитывать на равноправное партнерство с Китаем в атомной сфере. Однако в Казахстане, вероятно, надеются, что статус поставщика ядерного топлива (а это уже не сырье, а полуфабрикат), а также хотя бы символическое участие в строительных работах по возведению АЭС на территории Китая и контроле их безопасности, могут позволить Казахстану получить дополнительные экономические и политические дивиденды.

Электроэнергетическая отрасль

Примерно с 2005 года обозначился некоторый интерес Китая к гидро- и теплоэнергетике Казахстана. Реализуемые и намечаемые проекты пока касаются введения в строй новых генерирующих мощностей с последующим экспортом части вырабатываемой электроэнергии в КНР. На стадии реализации находится только лишь проект по возобновлению строительства

Мойнакской ГЭС на реке Чарын²⁸, а остальные – на стадии планирования. Сроки осуществления данных проектов пока неясны. Однако, можно с высокой долей вероятности утверждать, что из-за последствий мирового финансово-экономического кризиса сроки начала и окончания многих проектов могут быть перенесены.

Строительство Мойнакской ГЭС на реке Чарын (Алматинская область, юго-восточная часть Казахстана). В 2006 году Казахстан подписал контракт с Национальным банком развития Китая о кредитовании работ по возобновлению строительства Мойнакской ГЭС. Предполагаемая мощность будущей гидроэлектростанции – 250 МВт, а стоимость проекта – 340 млн. долларов. Планировалось, что после строительства ГЭС позволит обеспечить потребности Алматинской области, а также экспортировать часть электроэнергии в Китай. Главным условием КНР по предоставлению займа было следующее: строительные работы должны выполняться китайскими организациями, а оборудование должно поставляться из Китая. Проектировщиком и организатором работ по строительству деривационного тоннеля, а также здания гидроэлектростанции была определена Китайская Международная корпорация водного хозяйства и энергетики. Китайской стороной уже выделено около 200 млн. долларов. На данном этапе финансирования было завершено возведение дамбы, продолжают работы по сооружению подъездных путей и дорог. Ввод ГЭС в эксплуатацию намечен на 2011 год.

Планы по строительству ГЭС на реке Чилик (Алматинская область Казахстана). В начале 2010 года Китай подписал с Казахстаном соглашение о строительстве еще одной ГЭС в Алматинской области республики. Проект предполагает возведение ГЭС мощностью 254 МВт. Стоимость работ оценивается в 727 млн. долларов. Оператором проекта определена китайская компания China Gezhonba Group Co. Планируемый срок введения объекта в строй – начало 2015 года.

Планы по строительству ГЭС на реке Иртыш (Павлодарская область, северная часть Казахстана). Строительство ГЭС первоначально планировалось осуществить за счет китайских инвестиций. Предполагаемая мощность будущей электростанции 5,5-7 тыс. МВт, а оценочная стоимость самого проекта – примерно 7 млрд. долларов. При этом ожидалось, что китайская сторона получит эксклюзивное право на экспорт электроэнергии, большая часть которой будет направляться в СУАР КНР. Перспективы реализации данного проекта пока не ясны.

Планы по строительству каскада малых ГЭС на реке Хоргос (Алматинская область, юго-восточная часть Казахстана). На реке Хоргос планировалось построить каскад малых ГЭС общей мощностью 21 МВт. Переговоры по данному проекту начались еще в 2005 году, однако перспективы реализации данного проекта пока не ясны.

²⁸ Строительство Мойнакской ГЭС было начато в 1985 году и остановлено в 1992 году в связи с прекращением финансирования. В начале 2005 года в рамках реализации постановления казахстанского правительства «О дополнительных мерах по развитию гидроэнергетики в Республике Казахстан» было принято решение о возобновлении строительства ГЭС.

Планы по строительству двух ТЭС в Павлодарской области (северная часть Казахстана). Примерно с 2005 года Китай рассматривает возможность финансирования строительства двух тепловых электростанций, суммарной мощностью 7,2 тыс. МВт, которые должны были функционировать на угле экибастузского месторождения. Привлекательность данного проекта состоит в том, что уголь данного месторождения высокого качества и залегают вблизи поверхности, что позволяет вести добычу открытым способом. В случае реализации проекта предполагаемый объем выработки электроэнергии на двух ТЭС мог бы составить 40 млрд. кВт/ч в год²⁹. Китай настаивает на том, чтобы данный проект финансировался и осуществлялся исключительно китайскими компаниями, причем до тех пор, пока не окупятся затраты на строительство вся вырабатываемая электроэнергия поставлялась бы в КНР. Однако данные условия не устраивают Казахстан. Переговоры продолжаются, но перспективы реализации данного проекта пока неясны.

* * *

Китайская экономическая деятельность в Казахстане ориентирована в основном на наращивание объемов производства энергоресурсов³⁰ и последующий их экспорт в Китай. Экономическое присутствие КНР практически не выходит за рамки отраслей ТЭКа и торговой сферы по формату «готовая продукция в обмен на сырьевые (в первую очередь, энергетические) ресурсы». Причем, даже в топливно-энергетическом комплексе китайские интересы по-прежнему касаются преимущественно нефтегазовой отрасли через призму поставок углеводородного сырья в КНР.

Сам же характер экономической и энергетической политики Китая в Казахстане представляется неоднозначным с точки зрения именно долгосрочных интересов Казахстана. С одной стороны, китайские финансы пока помогают казахстанской экономике и отраслям ТЭК в частности «держаться на плаву» (особенно в период мирового кризиса). С другой же стороны, Казахстан рискует постепенно попасть в крайне жесткую зависимость от Китая, в том числе финансовую, в значительной степени утратив контроль над своими энергетическими и другими сырьевыми ресурсами, стратегическими производствами. Подобного рода «сотрудничество» не представляется взаимовыгодным с точки зрения долгосрочных экономических интересов Казахстана, так как ведет лишь к закреплению за Казахстаном роли сырьевого придатка китайской экономики, слабо способствует развитию именно инновационных и перерабатывающих отраслей казахстанской промышленности.

В итоге, единственное направление, в рамках которого деятельность китайских компаний в ближайшем будущем не только не ослабнет, а с высокой долей вероятности будет только возрастать – это отрасли ТЭКа, в первую очередь нефтегазовая³¹ и атомная³², где КНР будет по-прежнему руководствоваться не столько коммерческими, сколько стратегическими

²⁹По состоянию на начало 2010 года данный проект все еще находился на стадии разработки ТЭО.

³⁰На данном этапе – в основном нефти, в ближайшей перспективе – газа и топлива для атомных электростанций, а в дальнейшем – не исключено, что и электроэнергии.

³¹Даже в случае низких цен на нефть и газ, вопросы увеличения объемов импорта углеводородов и диверсификации маршрутов их поставок будут продолжать иметь принципиально важное значение для Китая.

³²Именно в плане добычи урана. Тем более, что Китай осуществляет модернизацию своей атомной энергетики и, крайне вероятно, будет заинтересован в увеличении объемов поставок ядерного топлива, в том числе из Казахстана.

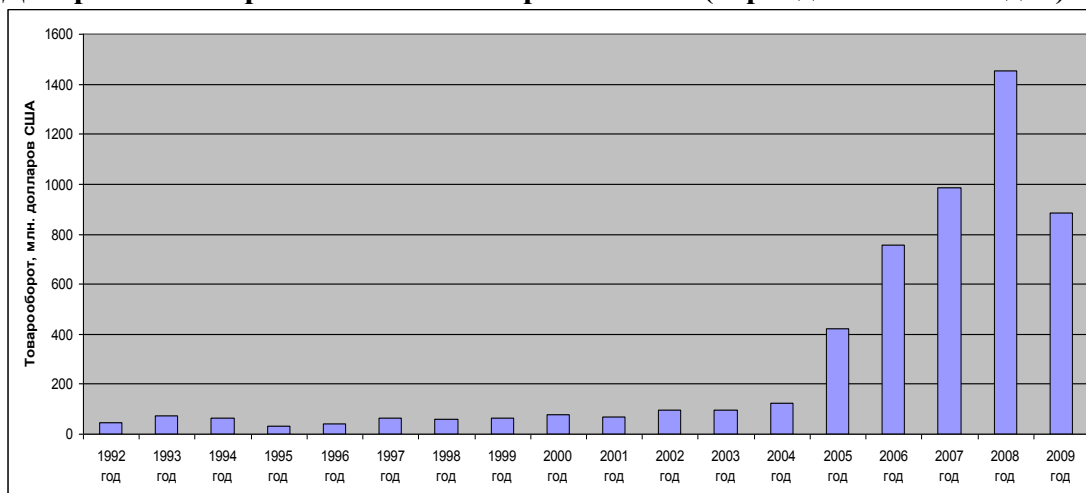
соображениями. Как представляется, в условиях мирового финансово-экономического кризиса активность Китая в Казахстане в отраслях ТЭК будет только возрастать и ориентироваться на добычу углеводородов и урана, приобретение соответствующих активов.

После прохождения активной фазы экономического кризиса, китайское проникновение в экономику Казахстана, в первую очередь отрасли ТЭК и связанные с ними сегменты, только интенсифицируется. Наиболее вероятно, что рост интереса Пекина к сотрудничеству с Астаной помимо добычных отраслей будет все больше связан с отраслями ориентированными на транспортировку в китайском направлении энергетических ресурсов, созданием новых электрогенерирующих мощностей и формированием соответствующей транспортной инфраструктуры.

Китайские проекты в ТЭК Кыргызстана

С момента установления дипломатических отношений между двумя странами Китай стал рассматривать Кыргызстан не столько в качестве рынка сбыта своей продукции, сколько в качестве стратегического плацдарма для торговой экспансии в Центральную Азию и на постсоветское пространство в целом. Однако те же торговые отношения Китая с Кыргызстаном кардинально интенсифицировались лишь после 2004 года. Если в течение 1992–2004 годов объемы поставок из Китая в Кыргызстан находились в пределах 26-100 млн. долларов в год, а сам товарооборот – 30-125 млн. долларов, то по итогам 2008 года, объемы китайского экспорта уже составили 1186 млн. долларов, а общий товарооборот увеличился до 1453 млн. долларов. В 2009 году объемы китайских поставок в Кыргызстан существенно снизились – с 1186 до 528 млн. долларов, а общий товарооборот – с 1453 до 657 млн. долларов (диаграмма 2).

Диаграмма 2. Торговля Китая с Кыргызстаном (период 1992–2009 годов)

Источники: данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана; данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана.

Структура китайско-кыргызской торговли свидетельствует об устойчивой экспортно-сырьевой ориентации Кыргызстана. Так, например, в 2008 году поставки из Кыргызстана в Китай включали в основном отходы черных и цветных металлов (порядка 61%) и текстильное сырье (преимущественно кожевенное и шерсть – около 30%). В свою очередь, ассортимент поставок из

КНР включал продовольствие и прочие товары широкого потребления (примерно 72%), химическую продукцию (около 10%), машины и оборудование (около 4%) (таблица 2).

Таблица 2. Товарная структура торговли Китая с Кыргызстаном (2008 год)

Наименование	Поставки из Китая в Кыргызстан		Поставки в Китай из Кыргызстана	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Химическая продукция	168	14,2	-	-
Отходы и лом цветных и черных металлов	-	-	155	58,0
Машины и оборудование	60	5,1	-	-
Текстильное сырье (кожевенное сырье и шерсть)	-	-	74	27,7
Потребительские товары и продовольствие	735	61,9	-	-
Прочее	223	18,8	38	14,3
Всего	1186	100	267	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана (Kyrgyzstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, March 2010).

За рамками торговой сферы экономическое присутствие Китая в Кыргызстане пока в целом незначительно, а общие объемы китайских финансовых ресурсов в кыргызской экономике оцениваются в пределах от 160 до 180 млн. долларов (из которых лишь крайне незначительная часть – около 5% приходится на отрасли ТЭК), включая около 120 млн. долларов кредитов и 40-60 млн. долларов инвестиций³³. При этом финансовая активность Китая в Кыргызстане нацелена в основном на оказание технической помощи правительству республики и реализацию небольших по масштабам проектов в горнодобывающей и транспортной отраслях, а также в отрасли производства строительных материалов. Поэтому проекты в отраслях ТЭК носят единичный характер и не являются масштабными даже по центральноазиатским меркам.

Электроэнергетическая отрасль

Кыргызстан обладает огромным гидроэнергетическим потенциалом, который составляет около 142,5 млрд. кВт/ч в год, хотя реальное производство электроэнергии всего лишь около 10 млрд. кВт/ч в год. Даже в советское время данный потенциал использовался менее чем на 10%. Учитывая это, вполне объяснимо, почему по мере роста промышленного производства в приграничном с Кыргызстаном СУАР, Китай стал проявлять определенную заинтересованность к вопросам строительства гидроэлектростанций и поставок электроэнергии из Кыргызстана. Тем не менее, проектная активность Китая в гидроэнергетической отрасли Кыргызстана пока не выходит за рамки обсуждения «планов на будущее», а среди наиболее перспективных проектов выделяется лишь проект по строительству двух малых ГЭС на реке Нарын.

³³По состоянию на начало 2010 года.

Планы по строительству малых ГЭС на реке Нарын (восточная часть Кыргызстана). В 2004 году Пекин и Бишкек пришли к соглашению о совместном строительстве на реке Нарын двух малых ГЭС. Однако, события весны 2005 года в Кыргызстане (т.н. тюльпановая революция), которые привели к смене власти в стране, нарушили эти планы и договоренности были аннулированы. Спустя некоторое время, после прихода к власти в республике нового руководства, стороны все же вернулись к обсуждению вопросов сотрудничества в гидроэнергетической отрасли, хотя в практическую плоскость это пока не перешло.

Планы по строительству электроподстанции «Датка», развитию южных сетей, созданию линии электропередачи «Датка – Кемин». В январе 2010 года в ходе визита кыргызской делегации в Пекин ОАО «Национальная электрическая сеть Кыргызстана» подписала соглашение по проекту «Строительство ЛЭП 500 кВ «Датка – Кемин» с китайской компанией ТВЕА (Тибиан Электрик Компании). Стоимость проекта составляет 342 млн. долларов, а финансирование предполагается покрыть за счет кредита ЭКСИМ-банка КНР.³⁴ Новая линия позволит обеспечить потребителей внутри Кыргызстана электроэнергией, минуя центральноазиатское энергетическое кольцо, снизив при этом потери электроэнергии. Кыргызстан передал китайской стороне документацию для получения кредита на строительство подстанции «Датка» и линии 220 кВ. Данные объекты позволят обеспечить выработанным на ГЭС в КР электричеством потребителей Ошской и Баткенской областей. К строительству ЛЭП предполагалось приступить во второй половине 2010 года. Однако, после дестабилизации политической обстановки в Кыргызстане в апреле 2010 года, сроки реализации данного проекта, вероятно, будут перенесены.

В целом, Китай продолжает демонстрировать неготовность к участию в крупных гидроэнергетических проектах на территории Кыргызстана, в частности по строительству Камбаратинских ГЭС. Во-первых, реализация данных проектов длительное время находится в плоскости обсуждения преимущественно между Кыргызстаном и Россией. Во-вторых, у Пекина присутствует четкое понимание целого ряда негативных последствий в результате непродуманного строительства крупных ГЭС, что обуславливается наличием сложных противоречий (в первую очередь в отношении использования водостока трансграничных рек, в данном случае Сырдарьи) между Кыргызстаном с одной стороны, Узбекистаном – с другой. В-третьих, проекты являются крайне затратными и малоприбыльными в краткосрочной перспективе. В-четвертых, вне зависимости от того, будет ли участвовать в строительстве этих ГЭС китайский капитал, именно СУАР КНР будет оставаться наиболее близким рынком для сбыта электроэнергии из Кыргызстана. И поэтому, в-пятых, на данном этапе Китаю объективно выгоднее пока занимать в целом выжидательную позицию, предпочитая предоставить странам ЦА и РФ право самим «распутывать клубок» региональных водно-энергетических проблем.

³⁴ Д.Каримов. Китайский опыт как модель для экономического развития Кыргызстана. / Информационный сайт «24kg» (Кыргызстан), 15 января 2010 года, <http://www.24.kg/economics/67821-kitajskij-opyt-kak-model-dlya-yekonomicheskogo.html>

Угольная отрасль

Китайское присутствие в угольной отрасли Кыргызстана обозначилось еще в 2006 году. В то же время, учитывая небольшие объемы разведанных запасов угля в Кыргызстане³⁵, интерес КНР остается незначительным. Пока в угольной отрасли Кыргызстана реально осуществляется лишь один проект с участием китайского капитала.

Добыча угля на территории Ошской области (южная часть Кыргызстана). В 2006 году на территории области создано китайско-кыргызское СП «Перити Коал» по добыче угля. В среднем ежегодно предприятие добывает не менее 41 тыс. тонн угля, а около 18 тыс. тонн экспортирует. Китайские инвестиции на реализацию данного проекта предположительно могли составить от 4 до 8 млн. долларов.

Нефтегазовая отрасль

В Кыргызстане не обнаружено промышленных запасов нефти и газа. Разведанные запасы нефти в республике составляют всего лишь около 6,3 млн. тонн, а газа – порядка 6 млрд. кубических метров. При этом в Кыргызстане добывается примерно 70-90 тыс. тонн нефти в год, а объемы добычи газа крайне незначительны и не превышают 25 млн. кубических метров в год. Учитывая все это, интерес КНР к нефтегазовой отрасли Кыргызстана в целом крайне незначителен. Тем не менее, в условиях высоких цен на энергоресурсы, имевших место до осени 2008 года, китайский бизнес предпринимал попытки закрепиться и в нефтегазовой отрасли кыргызской экономики.

Планы по добыче нефти и газа в Баткенской области (южная часть Кыргызстана). В 2008 году Китайская международная нефтеразведочная компания Zhungneng Co. Ltd. выкупила государственный пакет акций (100%) АО «Баткеннефтегаз» за 1,1 млн. долларов. Тогда же китайская сторона обязалась инвестировать в «Баткеннефтегаз» около 66 млн. долларов, увеличив его производственные мощности и выйдя на новые рынки сбыта. Однако, сроки реализации данного проекта пока неясны.

* * *

Экономическое, в том числе энергетическое, присутствие Китая в Кыргызстане было и продолжает оставаться крайне незначительным. По большому счету Пекин отводит данному центральноазиатскому государству в основном лишь роль транзитера китайской продукции. Масштабы кредитно-финансовой и проектно-инвестиционной активности Китая в республике незначительны, что свидетельствует о второстепенности кыргызского направления в экономической и, тем более энергетической, стратегии Китая в Центральной Азии. В значительной степени это определяется и малым размером экономики Кыргызстана, фактическим отсутствием здесь крупных промышленных объектов и запасов стратегически важных для КНР углеводородных ресурсов, а также достаточно сложной социально-экономической и внутривластной ситуацией в стране.

³⁵ Доказанные запасы угля в Кыргызстане составляют порядка 1,6 млрд. тонн. В советское время в Кыргызстане добывалось примерно 4 млн. тонн угля ежегодно. В постсоветский период угольная отрасль пришла в упадок, а добыча угля в последние годы находится на уровне примерно 400 тыс. тонн в год.

Теоретически объектами экономического интереса Китая в Кыргызстане могли бы стать гидроэнергетическая отрасль и транспортно-коммуникационная сфера. Однако на практике существует ряд обстоятельств, значительно снижающих вероятность реализации в Кыргызстане крупных проектов в обозначенных выше отраслях³⁶, тем более в условиях мирового финансово-экономического кризиса. В результате, реализация крупных экономических проектов КНР в ТЭК Кыргызстана представляется крайне маловероятной, особенно в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

В этой связи, можно предположить, что в краткосрочной перспективе масштабы присутствия Китая в Кыргызстане останутся примерно на нынешнем уровне и, скорее всего, не будут существенно выходить за рамки торговой сферы и предоставления кредитов на те или иные небольшие, хотя, возможно, и значимые социально-экономические проекты. Процесс экономического проникновения Китая в Кыргызстан, в том числе в ТЭК (прежде всего гидроэнергетику) может ускориться лишь только в случае интенсификации экономического сотрудничества в самой Центральной Азии (что маловероятно) и урегулирования жизненно важного для региона водно-энергетического вопроса (что также маловероятно).

Китайские проекты в ТЭК Таджикистана

Практически до середины первого десятилетия XXI века экономическое присутствие Китая в Таджикистане было минимальным, ограничиваясь периодическими поставками небольших партий китайских товаров широкого потребления. Слабость китайско-таджикских экономических связей в 90-е годы и в начале первого десятилетия этого века в основном обуславливалась гражданской войной в Таджикистане в период 1992–1996 годов, а после этого – хрупкой внутривнутриполитической ситуацией в стране: достаточно трудным и длительным процессом установления гражданского мира. Помимо этого, немаловажным фактором, осложнявшим развитие китайско-таджикских отношений, была географическая изоляция Китая и Таджикистана.

Хотя республика и имеет общую границу с Китаем (более 500 километров), однако долгое время она была недоступной для развития тех же торговых отношений, так как проходит по высокогорной местности, где ранее отсутствовала транспортная инфраструктура. В результате транспортировка тех же китайских товаров в Таджикистан осуществлялась через территории других стран: Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана.

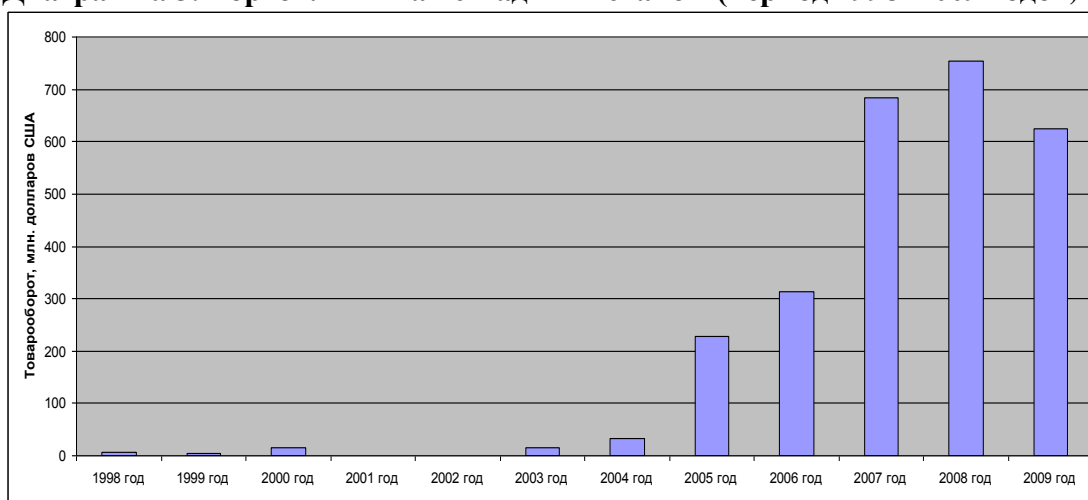
Более того, Таджикистан стал последней страной региона, с которой Китаю удалось прийти к соглашению по погранично-территориальным вопросам. По сути, лишь после этого стало возможным открытие в 2004 году первого контрольно-пропускного пункта «Карасу» и функционирование прямого автодорожного сообщения между двумя странами через перевал

³⁶Вокруг планов Бишкека по строительству крупных гидроэнергетических объектов складывается весьма непростая ситуация, грозящая осложнением отношений Кыргызстана прежде всего с Узбекистаном. В Ташкенте считают, что намечаемое строительство крупных ГЭС в верховьях реки Сырдарьи как минимум нарушит водный баланс региона, нанесет значительный ущерб экологии и аграрному сектору. Узбекистан традиционно занимает жесткую позицию в данном плане, так как является крупнейшим потребителем водных ресурсов Сырдарьи, формирование которых происходит на территории Кыргызстана. Водно-энергетический вопрос вряд ли будет решен в кратко- и даже среднесрочной перспективе. Учитывая это, Китай, скорее всего, не станет форсировать свое участие в крупных гидроэнергетических проектах в Кыргызстане.

«Кульма». Одновременно с этим Китай стал предоставлять Таджикистану льготные кредиты, в первую очередь под закупку китайских товаров.

Все это привело к кардинальной интенсификации китайско-таджикской торговли. Наиболее значительный рост объемов торговли пришелся на 2005 год, когда товарооборот между Китаем и Таджикистаном вырос более чем в 9 раз по сравнению с предыдущим годом и составил 229 млн. долларов. Очередной импульс развитию торговых связей был дан в 2007 году, по результатам которого китайско-таджикский товарооборот увеличился примерно в 2 раза. По итогам 2008 года, объемы торговли выросли еще на 10%. В 2009 году товарооборот Китая с Таджикистаном снизился на 17,3% по сравнению с предыдущим годом – с 755 до 624 млрд. долларов (диаграмма 3).

Диаграмма 3. Торговля Китая с Таджикистаном (период 1998–2009 годов)

Источники: данные за период 1998–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Таджикистана; данные за период 2002–2009 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Таджикистана.

Примечание: данные по торговле за 2001 и 2002 годы отсутствуют. Однако, объемы товарооборотов в указанные выше годы были крайне незначительны.

Наряду с интенсификацией китайско-таджикской торговли, мощный импульс получил процесс проникновения КНР и китайских компаний в различные отрасли таджикской экономики. Крайне показательно, что всего лишь за несколько лет, в период 2005–2009 годов, китайский бизнес занял достаточно прочные позиции во всех ключевых отраслях республики, в том числе электроэнергетике.

Причем Китай стал и главным кредитором Таджикистана, существенно опередив международные финансовые структуры и другие страны. Решающую роль здесь сыграла уже апробированная тактика предоставления льготных кредитов на различные проекты, имеющие важное экономическое и социальное значение. Данные кредиты, как правило, осваиваются китайскими же компаниями. Общие объемы китайских финансовых ресурсов в республике оцениваются в размере не менее 732 млн. долларов (где на отрасли ТЭК приходится около 44%), включая 600 млн. долларов кредитов, 50 млн. долларов инвестиций и 82 млн. долларов приобретенных активов³⁷.

³⁷По состоянию на начало 2010 года.

Электроэнергетическая отрасль

С середины первого десятилетия нынешнего века Китай стал проявлять повышенный интерес к электроэнергетической отрасли Таджикистана. Безусловно, что этот интерес носит стратегический характер, так как без введения новых энергетических мощностей, создания и развития соответствующей инфраструктуры невозможна реализация многих других проектов, в первую очередь по добыче минерально-сырьевых ресурсов.

Планы по строительству Зеравшанской ГЭС (Хатлонская область, юго-западная часть Таджикистана). В январе 2007 года китайская компания Sinohydro подписала с правительством Таджикистана контракт на строительство ГЭС на реке Зеравшан мощностью 150 МВт. Годовая выработка электроэнергии после ее ввода в строй планировалась в объеме 537 млн. кВт/ч. Данный проект, оценочной стоимостью 260 млн. долларов, должен был финансироваться под кредит ЭКСИМ-банка КНР, однако уже в июле 2007 года Sinohydro приостановила реализацию проекта. Основная причина – крайне негативное отношение к строительству Узбекистана, который считает, что реализация данного проекта приведет к острому дефициту воды в Самаркандской области, расположенной ниже по течению реки Зерафшан. Перспективы реализации данного проекта пока неясны.

Строительство высоковольтной линии электропередач «Юг – Север». В 2006 году китайская компания Tebian Electric Apparatus Stock Company (ТБЕА) приступила к строительству линии электропередач ЛЭП-500 «Юг – Север» протяженностью более 350 километров. Данная ЛЭП объединит южную и северную части страны в единую систему электроснабжения. Кредитование проекта в размере 267 млн. долларов осуществляется ЭКСИМ-банком КНР. В конце ноября 2009 года состоялась торжественная церемония сдачи в эксплуатацию линии электропередач ЛЭП-500 «Юг-Север», которая способна обеспечить поставку с юга страны в Согдийскую область (север Таджикистана) 27 млн. киловатт-часов в сутки.

Строительство высоковольтной линии электропередач «Лолазор – Хатлон» (Хатлонская область, юго-западная часть Таджикистана). Проект был реализован на основе соответствующего межправительственного соглашения. В период 2006–2008 годов китайская компания ТБЕА построила линию электропередач ЛЭП-220 «Лолазор – Хатлон» протяженностью около 90 километров, которая позволила обеспечить населенные пункты Кулябского района Хатлонской области Таджикистана электроэнергией, вырабатываемой на ГЭС «Сангтуда-1» и «Сангтуда-2». Общая стоимость проекта составила 58 млн. долларов, 55 млн. из которых были покрыты кредитом ЭКСИМ-банка КНР. В 2009 году ЛЭП-220 «Лолазор – Хатлон» была сдана в эксплуатацию.

Планы по подготовке к строительству Нурабадской ГЭС-2 (23 километра от устья реки Обинхингоб – притока реки Вахш, Хатлонская область, юго-западная часть Таджикистана). В августе 2008 года китайская компания Sinohydro подписала меморандум с Министерством энергетики и промышленности Таджикистана о строительстве гидроэлектростанции на реке Обинхингоб – Нурабадской ГЭС-2 с проектной мощностью 200 МВт и ежегодной выработкой электроэнергии в объеме 740 млн. кВт/ч. Согласно документу, китайская компания берет на себя обязательства по

проектированию и строительству «под ключ» Нурабадской ГЭС-2, включая прокладку двухцепной линии электропередач 220 кВ от открытого распределительного устройства (ОРУ) Нурабадской ГЭС-2 до ОРУ Нурабадской ГЭС-1. Ориентировочная стоимость проекта – примерно 200 млн. долларов. Расходы полностью берет на себя китайская сторона³⁸.

* * *

В целом же, начиная с середины первого десятилетия XXI века, масштабы китайского экономического присутствия в Таджикистане, в том числе в отраслях ТЭК, постоянно растут и уже представляются существенными, учитывая малые размеры экономики республики. Особое значение китайский фактор оказывает на развитие электроэнергетики. При этом складывается впечатление, что именно на примере Таджикистана наиболее заметна логика отработываемой Китаем схемы планомерного проникновения и закрепления в экономиках стран Центральной Азии.

Однако характер экономической политики КНР в Таджикистане представляется неоднозначным. С одной стороны, китайские финансы и проекты поддерживают экономику Таджикистана, тем более, что республика остро нуждается в помощи из вне. С другой стороны, подавляющее большинство китайских финансовых ресурсов в таджикской экономике (свыше 80%) – это кредиты, то есть долги, которые Душанбе, в силу объективных и субъективных причин вряд ли сможет вернуть. Это, в свою очередь, создает предпосылки для попадания Таджикистана в «долговую кабалу».

В итоге, среди всех стран ЦА именно Таджикистан близок к тому, чтобы быть де-факто «экономически поглощенным» Китаем. Пока трудно сказать, как это скажется на перспективах экономического и социального развития республики. Очевидно лишь одно: погружение Таджикистана в «долговую яму» будет только способствовать дальнейшему усилению экономических позиций Китая в этой стране и, соответственно, влияния Пекина в Центральной Азии в целом.

В краткосрочной перспективе, в условиях мирового финансово-экономического кризиса активность Китая и китайских компаний в Таджикистане, скорее всего, останется примерно на нынешнем уровне. По мере же преодоления негативных последствий мирового кризиса, процесс китайского проникновения в таджикскую экономику только интенсифицируется. Тем более, что Душанбе в отличие от столиц других центральноазиатских стран не испытывает особых опасений в отношении «экономической экспансии» КНР.

Учитывая же тот очевидный факт, что в условиях Таджикистана промышленным источником электроэнергии может быть только гидроэнергетика, это, в свою очередь, будет определять повышенный интерес Китая к строительству гидроэлектростанций. В то же время интенсификация проектно-инвестиционной деятельности КНР в гидроэнергетической отрасли Таджикистана представляется возможной только в случае разрешения болезненного для центральноазиатского региона водно-энергетического вопроса. Дело в том, что Узбекистан – основной потребитель водных ресурсов Амударьи, формирующихся в Таджикистане, настроен против строительства крупных ГЭС в Таджикистане (в частности, Рогунской ГЭС), полагая, что, помимо прочих негативных последствий, это вызовет и острый дефицит воды.

³⁸По состоянию на начало 2010 года проект находился на стадии разработки ТЭО.

Китай, в принципе, может ориентировать свою проектно-инвестиционную деятельность в гидроэнергетической отрасли Таджикистана и на увеличение выработки электроэнергии на старых объектах, построенных еще в советское время³⁹. Вывод на полную мощность старых ГЭС в Таджикистане позволит без строительства новых объектов энергетики в несколько раз увеличить выработку электроэнергии в республике, не вызывая при этом недовольства других стран региона⁴⁰. Этому может способствовать и реализация проектов по восстановлению и строительству малых ГЭС.

Как представляется, на начальном этапе данного объема электроэнергии китайским компаниям могло бы быть вполне достаточно. В дальнейшем Китай через возможности двусторонних отношений и механизмы регионального сотрудничества в рамках ШОС скорее всего будет стараться найти взаимоприемлемое решение водно-энергетической проблемы. Кроме того, нельзя исключить и того, что в условиях острого дефицита валютных средств, особенно в период мирового финансово-экономического кризиса, Узбекистан и Таджикистан все же сумеют договориться о возобновлении отработанной в свое время схемы обмена энергетическими и водными ресурсами, существовавшей в бывшем СССР. Все это будет только способствовать усилению не только энергетических, но и экономических и политических позиций Китая как в Таджикистане, так и в Центральной Азии.

Китайские проекты в ТЭК Туркменистана

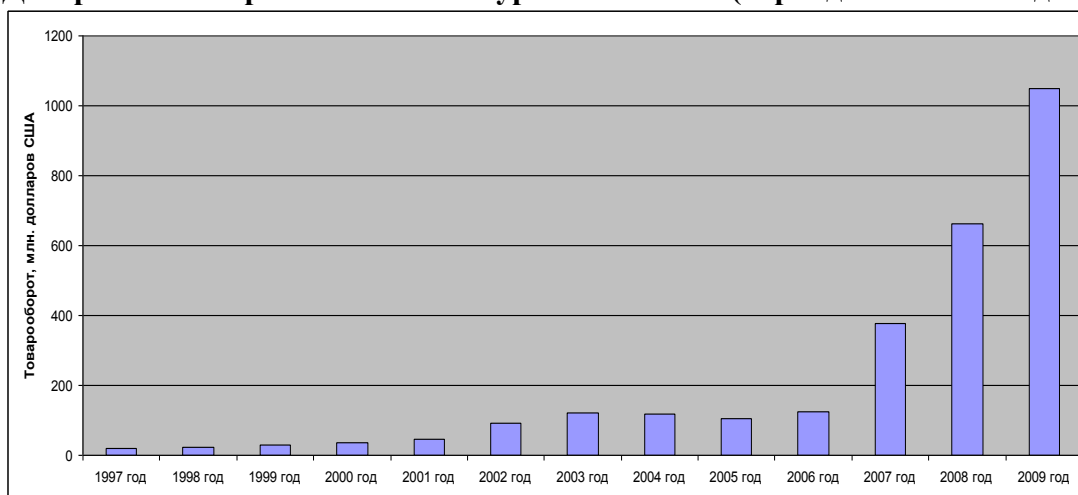
Вплоть до середины первого десятилетия XXI века Китай особо не стремился к расширению своего экономического присутствия в Туркменистане, что во многом определялось географической удаленностью двух государств друг от друга. Масштабы присутствия китайских производителей на туркменском рынке долгое время не были заметны даже на фоне внешнеторговых связей самого Туркменистана.

Китайское экономическое присутствие в Туркменистане стало заметным лишь после 2006 года, когда Пекин четко обозначил свой долгосрочный стратегический интерес к газовым ресурсам этого центральноазиатского государства. Практически сразу же увеличились и объемы торговли. По результатам 2006 года, китайско-туркменский товарооборот увеличился более чем в 2 раза, достигнув 125 млн. долларов. Несколько больший рост объемов торговли пришелся на 2007 год, когда товарооборот увеличился в 3 раза, достигнув 377 млн. долларов. В 2008 году китайско-туркменский товарооборот вырос еще на 76% и составил уже 663 млн. долларов, где объемы поставок из Китая вышли на уровень 568 млн. долларов. В 2009 году китайско-туркменский оборот увеличился на 58% по сравнению с предыдущим годом и достиг 1048 млн. долларов, где объемы китайского экспорта составили 915 млн. долларов (диаграмма 4).

³⁹По состоянию на начало 2010 года эти объекты (в частности, одна из крупнейших на постсоветском пространстве Нурекская ГЭС) находятся в эксплуатации, но в силу ряда причин вырабатывают электроэнергии ниже своей проектной мощности.

⁴⁰Тем более, что проектная мощность построенных в советское время в Таджикистане гидроэнергетических объектов значительно превышает потребности Таджикистана: многие из данных объектов создавались для поставок электроэнергии в промышленные центры Узбекистана.

Диаграмма 4. Торговля Китая с Туркменистаном (период 1997–2009 годов)

Источники: данные за период 1997–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана; данные за период 2002–2009 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана.

Сложившаяся на протяжении последних нескольких лет структура китайско-туркменской торговли показывает, что почти весь китайский экспорт в Туркменистан составляют машины и оборудование, предназначенные в основном для реализации проектов китайских компаний в туркменской нефтегазовой отрасли.

Например, по итогам 2008 года, ассортимент поставок из Китая состоял в основном из продукции машиностроения и металлообработки (около 90%). В свою очередь, поставки из Туркменистана в Китай включали в основном энергоносители (около 81%), а также хлопковое волокно и другие виды текстильного сырья (порядка 6%) (таблица 4).

Таблица 4. Товарная структура торговли Китая с Туркменистаном (2008 год)

Наименование	Поставки из Китая в Туркменистан		Поставки в Китай из Туркменистана	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Текстильное сырье	-	-	7	6,8
Энергоносители	-	-	80	84,5
Машины и оборудование	524	92,2	-	-
Продовольствие и товары широкого потребления	28	5,0	-	-
Прочее	16	2,8	8	8,7
Всего	568	100	95	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана (Turkmenistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, March 2010).

Одновременно с увеличением объемов торговли стал наблюдаться стремительный рост масштабов проектно-инвестиционной деятельности Китая и китайских компаний в нефтегазовой отрасли Туркменистана, а также в отраслях, представляющих особый интерес для самого Ашгабата. При этом

Китай стал широко использовать уже отработанный на других странах Центральной Азии финансовый механизм, который заключается в предоставлении льготных кредитов на те или иные экономические проекты.

Общие объемы китайских финансовых ресурсов в туркменской экономике оцениваются более чем в 1,1 млрд. долларов (из которых порядка 42% приходится на нефтегазовую отрасль), включая порядка 700 млн. долларов – кредитов и 450 млн. долларов – инвестиций⁴¹. Кредиты, как правило, осваиваются самими же китайскими компаниями, равно как и поставки оборудования для реализации указанных проектов осуществляются в основном из самого Китая. Взамен же финансовой поддержки Туркменистан предоставил КНР достаточно широкий доступ в свою нефтегазовую отрасль.

Нефтегазовая отрасль

Так как ресурсные и экспортные возможности Туркменистана по нефти невелики, главный интерес для Китая представляют туркменский природный газ. На всем постсоветском пространстве Туркменистан является единственной страной, которая обладает высоким экспортным потенциалом по газу, имея возможность экспортировать большую часть (свыше 3/4) добываемого «голубого топлива». В основном это связано со значительными запасами газа, которые, по туркменским оценкам, составляют около 25 трлн. кубических метров⁴².

Причем необходимо отметить, что туркменские оценки, по-видимому, сильно завышены. По другим данным, доказанные запасы туркменского газа значительно ниже: около 3 трлн. кубических метров, без учета еще фактически не разведанного газового месторождения «Южный Иолотань»⁴³, на которое Туркменистан возлагает большие надежды. Запасы этого месторождения пока точно не известны, хотя оно относится к категории крупных. Проведенное же в октябре 2008 года аудиторское исследование дает очень расплывчатую оценку: от 4 до 14 трлн. кубических метров.

В то же время, даже если предположить, что Ашгабат существенно преувеличивает газовые запасы страны, в любом случае внутренние потребности республики относительно доказанных запасов невелики, учитывая малочисленность населения (около 5 млн. человек) и отсутствие крупной промышленности (за исключением самой нефтегазовой отрасли). Поэтому в любом случае Туркменистан сможет экспортировать большую часть добываемого газа, что делает туркменскую нефтегазовую отрасль привлекательной для КНР. Начиная с 2007 года, ряд китайских компаний, в первую очередь КННК (CNPC), стали реализовывать в республике целый ряд проектов.

Подготовка к освоению газоносной территории «Багтиярлык» (восточная часть Туркменистана, правобережье реки Амударья). С 2007 года на основании полученной от туркменского правительства лицензии на проведение

⁴¹ По состоянию на начало 2010 года.

⁴² Туркмения оценивает запасы нефти в 20,8 млрд. т и газа 24,6 трлн. куб. м. / Электронная версия ежемесячного журнала «Нефть и газ Евразии» (Россия), 21 апреля 2008 года, <http://www.oilandgaseurasia.com/ru/news/p/0/news/2198/>

⁴³ Oil & Gas Journal (Oil & Gas Journal, N 103.47, 2005, pp.24-25.), Л.С. Беляев, В.В. Бушуев, М.Р. Ластовская, А.В. Лебедев, О.В. Марченко, П.А. Сергеев, С.В. Соломин, С.В. Филиппов (под редакцией В.В. Бушуева). Мировая энергетика: состояние, проблемы, перспективы. – Москва: ИД «Энергия», 2007 год. – С. 587.

геологоразведочных работ КННК осуществляет комплексные мероприятия по подготовке скважин, сооружению очистных газонакопительных установок, компрессорной и измерительной станций. В 2008 году было пробурено 6 новых скважин, закончен капитальный ремонт 6 ранее действовавших и законсервированных скважин. В 2009 году были подготовлены к эксплуатации в общей сложности 30 скважин: 23 отреставрированных и 7 новых. По состоянию на начало 2010 года китайские инвестиции в данный проект предположительно могли составить не менее 360 млн. долларов.

Строительство газоперерабатывающего завода вблизи газодобывающей территории «Багтиярлык». Согласно достигнутой в 2007 году между Туркменистаном и Китаем договоренности, китайская КННК приступила к строительству газоперерабатывающего завода мощностью 5 млрд. кубических метров газа в год. ГПЗ предназначен для первичной переработки газа (очистка от сероводорода, влаги и иных твердых и жидких примесей) с последующей его поставкой в КНР по газопроводу «Китай – Туркменистан». Ввод завода в эксплуатацию состоялся в конце 2009 года.

Геологоразведка газового месторождения «Южный Иолотань» (юго-восточная часть Туркменистана). В соответствии с достигнутой еще в 2006 году договоренностью между КННК и правительством Туркменистана, в течение 12 лет китайская компания планировала осуществить на месторождении бурение 12 разведочных скважин. В конце 2008 года британская аудиторская компания Gaffney, Cline & Associate объявила итоги независимого исследования, которое подтвердило, что ресурсы месторождения «Южный Иолотань» составляют от 4 до 14 трлн. кубических метров газа. В свою очередь, еще 2007 году Туркменистан объявил, что запасы данного месторождения достигают порядка 7 трлн. кубических метров. В конце декабря 2009 года государственный концерн «Туркменгаз» заключил с компаниями Китая, Кореи и Объединенных арабских эмиратов (ОАЭ) ряд контрактов по освоению месторождения «Южный Иолотань» на общую сумму свыше 9,7 млрд. долларов⁴⁴. Корейские компании (LG International Corp. и Hyundai Engineering Co. Ltd.) построят комплекс по очистке газа от серы. Китайская компания CNPC Chuanqing Drilling Engineering Company Ltd. (дочерняя структура CNPC/КННК) спроектирует и возведет объекты по освоению ряда участков месторождения. Аналогичные работы на других участках данного месторождения проведет Petrofac International LLC из ОАЭ. Компания Gulf oil & Gas FZE (ОАЭ) будет разрабатывать подземные сооружения и скважины.

Строительство и эксплуатация туркменского участка магистрального газопровода «Туркменистан – Китай». Протяженность газопровода от туркменских месторождений на правобережье реки Амударьи до казахстанско-китайской границы составляет около 2000 километров: по территории Туркменистана – 188 километров, Узбекистана – 525 километров, Казахстана – 1293 километра. По данному трубопроводу газ будет поставляться в китайскую провинцию Гуандун (южная часть тихоокеанского побережья КНР), поэтому общая протяженность газопровода, в том числе по территории Китая, составит около 7000 километров. В 2006 году подписано генеральное соглашение между

⁴⁴Китай и Южная Корея осваивают месторождение газа в Туркмении. / Сайт информационного агентства «Утро» (Россия), 30 декабря 2009 года, http://www.utro.ua/ru/ekonomika/kitay_i_yuzhnaya_koreya_osvoyat_krupnoe_mestorozhdenie_gaza_v_turkmenii1262158304

Китаем и Туркменистаном по строительству магистрального газопровода «Туркменистан – Китай». Сооружение туркменского участка данного газопровода началось в 2007 году⁴⁵. Официальный пуск первой ветки газопровода состоялся 14 декабря 2009 года в присутствии руководителей Казахстана, Китая, Туркменистана и Узбекистана. Оператором газопровода является китайская компания CNPC Exploration and Development (дочерняя структура КННК). Учитывая то, что данный газопровод проходит по территориям Узбекистана и Казахстана, CNPC Exploration and Development также сотрудничает с казахстанской НК «КазМунайГаз» и узбекской НХК «Узбекнефтегаз».

Газопровод «Туркменистан – Китай» рассчитан на экспорт в КНР до 40 млрд. кубических метров газа ежегодно. На проектную мощность трубопровод планируется вывести в 2012 году. Примерно 13 млрд. кубических метров из этого объема должно поставляться с участков, переданных в пользование CNPC, а остальные – с месторождения «Малай» (разрабатывает «Туркменгаз»). Финансирование строительства газопровода осуществляется КННК. В то же время имеется информация о том, что в 2008 году две другие китайские компании: PetroChina и CNODC – на паритетных началах также инвестировали около 2 млрд. долларов в строительство данного газопровода. Общий объем инвестиций по газопроводу «Туркменистан – Китай» составит примерно 6,7 млрд. долларов, включая примерно 88 млн. долларов на сооружение туркменского участка газопровода.

Планы по организации производства нефтяного оборудования в г.Балканабате (западная часть Туркменистана). Еще в 2001 году государственный концерн «Туркменнефть» и Ланьчжоуский завод нефтехимического машиностроения заключили контракт о создании СП по производству нефтепромышленного оборудования в г.Балканабате, а также участия китайских специалистов в модернизации морского порта в г.Туркменбаши. Однако тогда эти планы по ряду причин не были реализованы. В 2007 году уже между Министерством нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов Туркменистана и Китайской инженерно-строительной компанией NFC достигнута очередная предварительная договоренность о создании совместного китайско-туркменского предприятия по производству нефтяного оборудования. По состоянию на начало 2010 года перспективы реализации данного проекта пока остаются неясными.

Поставки китайского нефтегазового оборудования. Поставки в Туркменистан китайского нефтегазового оборудования (в основном буровых установок, транспортных средств, а также запасных частей и комплектующих к ним) осуществляются преимущественно путем прямой закупки техники из КНР за счет средств бюджета Туркменистана. Это имеет отношение больше к торговым связям двух стран, нежели собственно к вопросам китайской проектно-инвестиционной деятельности. При этом в ряде случаев Пекин предоставляет Ашгабату кредиты для закупки техники китайского производства, а кредитором выступает Экспортно-импортный банк КНР

⁴⁵Генеральным подрядчиком строительства является российская компания «Стройтрансгаз», которая выиграла соответствующий тендер. Компания осуществляет строительство линейной части газопровода, установки оборудования по осушке газа, хозрасчетного замерного узла, линейно-эксплуатационной базы, узлов приема и запуска очистных сооружений, линий электропередач.

(ЭКСИМ-банк). Сведения об этом зачастую носят крайне разрозненный характер. Известны лишь следующие факты:

- в 2001 году Государственный концерн «Туркменнефть» и Ланьчжоуский завод нефтехимического машиностроения заключили контракт на изготовление и поставку в Туркменистан двух буровых установок на сумму 22,2 млн. долларов;

- в 2001 году «Туркменгаз» заключил контракт с Китайской нефтяной корпорацией по технике и разработке на поставку буровой установки типа ZJ70D стоимостью 14,7 млн. долларов, а также оборудования для ремонта скважин на сумму около 1,2 млн. долларов;

- в 2002 года правительство Туркменистана заключило соглашение с КННК на поставку четырех буровых установок для «Туркменгаза» на общую сумму уже в 52,4 млн. долларов;

- в 2003 году «Туркменгаз» заключил с Китайской нефтяной корпорацией по технике и разработке контракт на закупку четырех буровых установок типа ZJ70D и транспортных средств, а также комплектующего оборудования на общую сумму свыше 50 млн. долларов;

- в 2004 году «Туркменгаз» и Китайская нефтяная корпорация по технике и разработке заключили контракт на изготовление и поставку 10 подъемных агрегатов, запасных частей и инструментов к ним на общую сумму более 14,5 млн. долларов;

- в 2006 году Китай предоставил Туркменистану льготный кредит в размере около 25 млн. долларов для закупки ряда китайских товаров и услуг (проектирования и строительства установки по охлаждению и смягчению воды головных сооружениях крупнейшего месторождения природного газа – «Довлетабад-3», производительностью 6000 кубических метров в час; комплектующих для четырех буровых установок ZJ70D китайского производства, которые госкомпания «Туркменгаз» ранее закупила у Китайской нефтяной корпорации по технике и разработке; бурового оборудования для реконструкции трех российских буровых установок РУЗД-86 и поставки одной буровой установки типа ZJ70D китайского производства для госкомпании «Туркменгеология»; семь подъемных агрегатов типа XJ250 с запасными частями китайского производства для госкомпании «Туркменнефть»).

* * *

Таким образом, несмотря на практически полное отсутствие интереса Пекина к туркменской экономике в 90-ые годы, получившая развитие во второй половине первого десятилетия наступившего века тенденция усиления экономического присутствия Китая в Туркменистане является устойчивой. Тем более, что китайские компании сумели занять достаточно прочные позиции в этой центральноазиатской стране всего лишь за несколько лет, в период 2006–2009 годов. При этом КНР по сути уже является ключевым донором туркменской экономики и, в первую очередь, нефтегазовой отрасли. Более того, масштабы китайского финансирования в ближайшее время могут возрасти кардинально, если учесть намерения Пекина предоставить еще 3 млрд. долларов кредита на освоение новых газовых месторождений в восточных районах страны⁴⁶, на которые туркменское руководство возлагает особые надежды в своих планах по добыче и экспорту газа.

⁴⁶В июне 2009 года между Китаем и Туркменистаном подписан пакет соглашений, в соответствии с которым Пекин предоставит Ашгабату дополнительный целевой кредит в размере 3 млрд. долларов на освоение крупнейшего в стране газового месторождения «Южный Иолотань».

Основное внимание Китая к Туркменистану, скорее всего, и в дальнейшем будет фокусироваться на нефтегазовой отрасли: освоении газовых месторождений, добыче и экспорте газа в КНР. При этом проектно-инвестиционная активность Китая в Туркменистане будет возрастать даже в условиях мирового финансово-экономического кризиса и низких цен на энергоносители. Бесперебойное снабжение китайской экономики углеводородами, диверсификация маршрутов их поставок является для Китая принципиально важной задачей, и в данном случае Пекин будет продолжать руководствоваться не столько коммерческими, сколько стратегическими интересами.

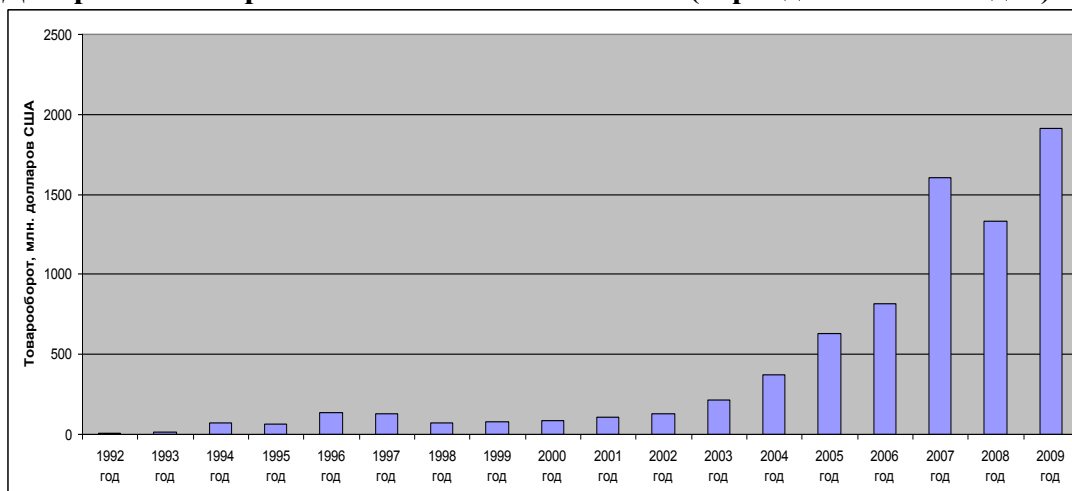
В то же время рост присутствия Китая в нефтегазовой отрасли Туркменистана способен привести к конфликту российских и китайских энергетических интересов. Поставки туркменского газа играют немаловажную роль в обеспечении энергетической безопасности России.

В этой связи Туркменистан все больше рискует внести во многом искусственные сложности как в свои отношения с Китаем и Россией, так и в отношения между КНР и РФ. С одной стороны, многое будет зависеть от того, насколько гибкую и грамотную политику выстроит Туркменистан с Россией, Китаем, другими государствами и транснациональными корпорациями, заинтересованными в поставках туркменского газа. С другой стороны, далеко не последнее слово останется за самими Россией и Китаем, если они сумеют выработать приемлемую для обоих государств формулу экономического сотрудничества в Центральной Азии, апробировав ее и на Туркменистане.

Китайские проекты в ТЭК Узбекистана

На протяжении 90-х годов XX века и даже в первые годы XXI века Китаю по ряду причин в целом не удавалось экономически закрепиться в Узбекистане. Вплоть до 2002 года включительно китайско-узбекские экономические связи ограничивались преимущественно торговлей. Тенденция поступательного роста экономического присутствия Китая в Узбекистане наметилась только лишь после 2003 года. Если за период 1992–2002 годов объемы китайских поставок в Узбекистан не превышали 114 млн. долларов в год, а сам товарооборот – 136 млн. долларов в год, то в 2008 году импорт из Китая уже достиг 791 млн. долларов, а общий товарооборот – 1335 млн. долларов. В 2009 году китайско-узбекский товарооборот увеличился на 43% по сравнению с предыдущим годом, достигнув 1910 млн. долларов. Причем объемы китайского экспорта увеличились в 1,83 раза и составили 1453 млн. долларов (диаграмма 5).

Диаграмма 5. Торговля Китая с Узбекистаном (период 1992–2009 годов)

Источники: данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана; данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана.

Хотя сырьевая составляющая экспорта Узбекистана в целом гораздо меньше сырьевых составляющих экспорта других стран Центральной Азии, однако структура китайско-узбекской торговли свидетельствует о все еще значительной доли сырьевых ресурсов в поставках из Узбекистана в КНР – около 40%. Так, например, в 2008 году экспорт Узбекистана в Китай включал хлопок-волокно (около 15%), цветные металлы (порядка 11%), химическое сырье (около 10%), машины и оборудование (порядка 9%). В свою очередь, ассортимент поставок из Китая состоял, главным образом, из продукции машиностроения (около 59%), продовольствия (примерно 8%), химической продукции (порядка 11%) (таблица 5).

Таблица 5. Товарная структура торговли Китая с Узбекистаном (2008 год)

Наименование	Поставки из Китая в Узбекистан		Поставки в Китай из Узбекистана	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Хлопок-волокно	-	-	86	15,8
Химическая продукция	90	11,4	55	10,2
Цветные металлы	-	-	61	11,3
Черные металлы	85	10,7	-	-
Энергоносители	-	-	23	4,2
Машины и оборудование	465	58,8	51	9,3
Продовольствие и товары широкого потребления	62	7,9	-	-
Прочее	89	11,2	268	49,2
Всего	791	100	544	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана (Uzbekistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, March 2010).

Усиление китайского торгового присутствия в Узбекистане стало возможным, в первую очередь, благодаря осуществляемой Китаем программе экспортного кредитования – предоставления целевых кредитов, которые используются для закупки китайских товаров и услуг. Одновременно с ростом объемов китайско-узбекской торговли стала просматриваться и тенденция интенсификации проектно-инвестиционной деятельности Китая в Узбекистане.

Интерес китайских компаний фокусируется на целом ряде отраслей узбекской экономики, в первую очередь, отраслях ТЭК и смежных отраслях: нефтегазовой, электроэнергетической, химической. Общий объем китайских финансовых ресурсов в Узбекистане оценивается на уровне не менее 640 млн. долларов (из которых до 85% процентов приходится на отрасли ТЭК), включая 167 млн. долларов кредитов и 473 млн. долларов – инвестиций⁴⁷.

Нефтегазовая отрасль

Началом китайского проникновения в нефтегазовую отрасль Узбекистана следует считать 2004 год, когда Китайская национальная нефтегазовая компания и Национальная холдинговая компания «Узбекнефтегаз» подписали рамочное соглашение о развитии сотрудничества. КННК планирует осуществить целый ряд проектов в нефтегазовой отрасли Узбекистана. В настоящее время ряд проектов уже находятся на стадии реализации.

Планы по освоению нефтяных месторождений в Ферганской долине (Ферганская, Андижанская и Наманганская области, восточная часть Узбекистана). На территории Ферганской долины Узбекистана находится более 500 низкодебитных месторождений нефти, которые эксплуатируются более 90 лет и стабильно дают около 2 тонн нефти в сутки. В 2006 году Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа (CNODC, дочерняя структура КННК) подписала соглашение с НХК «Узбекнефтегаз» на проведение геологоразведочных работ в пределах ферганского нефтегазоносного региона. На первом этапе, в течение 2006–2008 годов, планировалось провести сейсморазведочные работы. В случае открытия новых месторождений на инвестиционных блоках, CNODC и «Узбекнефтегаз» должны были создать ряд СП. При этом для освоения новых месторождений китайская сторона была готова предоставить гарантии на привлекаемые финансовые средства в размере около 106 млн. долларов. Однако наибольший интерес китайский бизнес пока проявил лишь к месторождениям в Наманганской области. Так, в начале 2007 года CNODC заявила об отказе в разработке нефтяных месторождений в Андижанской области, мотивировав свое решение нерентабельностью капиталовложений в связи с высокими ставками налога на недра при добыче углеводородов. Одновременно с этим в том же 2007 году между НХК «Узбекнефтегаз» и КННК было подписано Соглашение об основных принципах сотрудничества по совместной доразведке и последующей разработке месторождения «Мингбулак» в Наманганской области. Уже в 2008 году НХК «Узбекнефтегаз» и КННК подписали учредительный договор и устав совместного предприятия «Мингбулакнефть». Учредителями данного СП, созданного на паритетных началах с долей участия сторон 50/50, выступили ОАО «Андижаннефть» и CNODC. В настоящее время осуществляется бурение скважин, которое началось во второй половине 2009 года.

⁴⁷По состоянию на начало 2010 года.

Подготовка к освоению нефтяных и газоконденсатных месторождений в Бухарско-Хивинском регионе и на плато Устюрт (западная и северо-западная части Узбекистана). В мае 2005 года НХК «Узбекнефтегаз» и КННК подписали соглашение о создании на паритетных началах совместного предприятия UzCNPC Petroleum с уставным капиталом около 96 млн. долларов. Основными целями деятельности СП были определены проведение геологоразведочных работ и последующая разработки месторождений с трудно извлекаемыми запасами жидких углеводородов (нефть и газовый конденсат). На баланс совместному предприятию было передано 23 месторождения, расположенных в Бухарско-Хивинском регионе и на плато Устюрт. В конце 2006 года компания UzCNPC Petroleum приступила к геологоразведке на 5 инвестиционных блоках. Ожидается, что в случае получения положительных результатов, СП сможет добывать нефть и газовый конденсат в объеме до 1 млн. тонн в год. Предполагается, что китайская компания инвестирует в проект в течение 25 лет порядка 600 млн. долларов. В течение 2006–2011 годов объемы китайских инвестиций по данному проекту могут составить не менее 208 млн. долларов. На начало 2010 года в рамках минимальной программы освоено 88 млн. долларов из вышеуказанной суммы⁴⁸. В 2010 году китайская CNODC планировала вложить еще 58 млн. долларов в разведку упомянутых выше пяти нефтегазовых блоков, а в 2011 году – остальные 62 млн. долларов⁴⁹. При этом будет пробурено 15 поисково-разведочных и 12 оценочных скважин. При обнаружении новых месторождений в осваиваемых регионах китайская корпорация и «Узбекнефтегаз» откроют на паритетных началах совместное предприятие, которое и будет заниматься их разработкой.

Планы по подготовке к освоению нефтегазоносных месторождений в узбекской части Аральского моря (северо-западная часть Узбекистана). Запасы газа данных месторождений оцениваются примерно в 1 трлн. кубических метров, а нефти – порядка 150 млн. тонн. Проект осуществляется Международным консорциумом инвесторов (МКИ) в период до 2040 года. В состав МКИ с 2005 года входят «Узбекнефтегаз» (Узбекистан), «ЛУКОЙЛ» (Россия), «Петронас» (Petronas, Малайзия), КНОК (CNOC, Корея) и КННК (Китай). Оператором проекта является созданная для этих целей компания Aral Sea Operating Company. По условиям соглашения, подписанного на 35 лет (период 2005-2040 годов), доля китайской стороны в МКИ составляет 10%. Если оценочные запасы газа подтвердятся, промышленная добыча на этих месторождениях потенциально может составить не менее 25 млрд. кубических метров газа в год. Первоначальная стоимость геологоразведочных работ по данному проекту оценивалась в размере 100 млн. долларов. Средства должны были вкладываться на паритетных условиях иностранными участниками МКИ (всеми участниками, кроме НХК «Узбекнефтегаз»). Предполагается, что на начало 2009 года из вышеуказанной суммы уже было инвестировано порядка 54,8 млн. долларов (включая инвестиции КННК в объеме примерно 13,7 млн. долларов). К концу 2009 года ожидалось завершение геологоразведочных работ, и для этого в проект планировалось вложить еще 45,2 млн. долларов (включая примерно 11,5 млн. долларов инвестиций КННК). Однако в 2009 году

⁴⁸ Узбекистан и Китай увеличат совместную добычу нефти и газа. / Сайт информационного агентства «Регнум» (Россия), 30 июня 2009 года, <http://www.regnum.ru/news/1180955.html> /

⁴⁹ Топливо-энергетический сектор Узбекистана освоит \$2,28 млрд. иностранных инвестиций. / Сайт информационного агентства «Уз-дейли» (Узбекистан), 24 ноября 2009 года, <http://www.uzdaily.uz/articles-id-596.htm>

было освоено около 28 млн. долларов. Завершить геологоразведочные работы и освоить оставшиеся 17 млн. долларов планировалось в 2010 году.

Строительство узбекского участка газопровода «Туркменистан – Китай». В июне 2008 года на территории Бухарской области (западная часть Узбекистана) началось строительство узбекского участка газопровода «Туркменистан – Китай», состоящего из двух параллельных веток, каждая протяженностью по 525 километров⁵⁰. Оператором проекта является созданное в 2007 году китайско-узбекское СП ООО Asia Trans Gaz. Co. Уполномоченным органом от Узбекистана по реализации данного проекта является НХК «Узбекнефтегаз», а со стороны КНР проект контролируется компанией Trans-Asia Gas Pipeline Co. Ltd. (дочерняя компания КННК). На трассе узбекского участка газопровода планировалось построить три газокompрессорных пункта, возвести измерительные узлы, вахтовые поселки и другие инфраструктурные сооружения. Проект осуществляется за счет инвестиций КННК. Стоимость первой ветки узбекского участка газопровода «Туркменистан – Китай», которая была сдана в эксплуатацию в конце 2009 года, ориентировочно составила около 244,35 млн. долларов. На начало же 2010 года объем освоенных инвестиций предположительно составил около 280 млн. долларов. В 2010 году КННК планирует инвестировать 883,6 млн. долларов в строительство узбекского участка второй ветки газопровода «Туркмения-Узбекистан-Казахстан-Китай».

Участие в финансировании строительства установки по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ (г.Мубарек, Кашкадарьинская область, юго-западная часть Узбекистана). Еще в 2004 году в рамках СП «Узбекнефтегаз» и «Газпром» планировали строительство установки по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ. Тогда оператором проекта была определена компания ОАО «Стройтрансгаз» (дочерняя компания «Газпрома»), которая в 2004 году выиграла соответствующий тендер. Предполагалось, что проектная мощность установки составит около 336 тыс. тонн сжиженного газа (пропан-бутановая смесь) и 150 тыс. тонн бензина в год. Реализация продукции предусматривалась как на экспорт, так и на внутреннем рынке Узбекистана. Однако в июне 2008 года «Стройтрансгаз» предложил увеличить стоимость проекта в связи с ростом цен на технологическое оборудование. Узбекская сторона отклонила эти предложения и заявила о намерении отказаться от участия «Стройтрансгаза» в реализации проекта. В августе 2008 года «Узбекнефтегаз» объявил новый тендер на поставку комплектного оборудования с проведением услуг (шеф-монтаж и пуско-наладка) для строительства установки получения сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ. Победителем тендера стала швейцарская компания Zegomax GmbH. Финансирование проекта планируется осуществить за счет кредита Государственного банка развития Китая – 85 млн. долларов, собственных средств НХК «Узбекнефтегаза» в размере 30,3 млн. долларов, кредита узбекского Фонда реконструкции и развития в размере 55,4 млн. долларов, кредитов узбекских коммерческих банков – 50 млн. долларов. В настоящее время проект находится на стадии реализации.

⁵⁰Первая ветка газопровода введена в строй в декабре 2009 года, а вторую планируется ввести в конце 2011 года.

Планы по организации совместного производства нефтегазового оборудования на территории Узбекистана. В 2008 году Китайская нефтяная корпорация по технологии и развитию (CPTDC) объявила о своем намерении организовать в Узбекистане производство труб и станков для нефтегазовой отрасли. В декабре этого же года в НХК «Узбекнефтегаз» состоялись переговоры с представителями CPTDC, в ходе которых стороны вновь обсудили возможности реализации этого проекта. В частности, предполагалось создать на базе АК «Узнефтегазмаш» ряд СП по производству (и сборке) следующей продукции: труб для строительства газопроводов, обсадных труб для бурения скважин, стальных канатов, станков для ремонта скважин, а также насосов для добычи нефти⁵¹.

Электроэнергетическая отрасль

Начиная с 2006 года Китай финансирует в Узбекистане ряд проектов в электроэнергетической отрасли. Данные проекты предполагают строительство малых гидроэлектростанций (МГЭС) и осуществляются узбекской компанией «Узсувэнерго» при Министерстве водного и сельского хозяйства РУз на средства кредитов, предоставленных ЭКСИМ-банком КНР. Эти проекты являются частью реализуемой Узбекистаном программы, в рамках которой предусматривается ввести в строй 41 малую гидроэлектростанцию.

Планы по строительству второй очереди Тупалангской МГЭС (Сурхандарьинская область, южная часть Узбекистана). Размер китайского кредита – 31,4 млн. долларов. Уже в начале 2006 года правительство Узбекистана приняло решение приостановить реализацию данного проекта из-за проблем с наполняемостью строящегося водохранилища. Дальнейшие перспективы реализации данного проекта неясны.

Поставка китайского оборудования для строительства Андижанской МГЭС-2 (Андижанская область, восточная часть Узбекистана). Размер кредита – 10,03 млн. долларов. МГЭС введена в строй в 2010 году.

Поставка китайского оборудования для реконструкции Ахангаранской МГЭС (Ташкентская область). Размер кредита – 5 млн. долларов. Ввод объекта в эксплуатацию состоялся в 2010 году.

Строительство ряда объектов электроснабжения г.Ташкента. В 2010 году планируется возвести ряд объекты для дополнительного (внешнего) электроснабжения г.Ташкента. Данный проект находится на стадии реализации. Размер кредита ЭКСИМ-банка КНР – 26,4 млн. долларов.

* * *

Как представляется, рост интереса Китая к Узбекистану, в том числе к ТЭК, который обозначился с середины первого десятилетия XXI века, продиктован не столько экономическими, сколько геополитическими соображениями, учитывая тот факт, что республика во многих отношениях является ключевым государством региона. Тем не менее, масштабы присутствия Китая в экономике Узбекистана в целом представляются все еще

⁵¹По состоянию на начало 2010 года окончательное решение по проекту не принято.

относительно скромными. За рамками нефтегазовой отрасли экономическое присутствие Китая в Узбекистане сводится преимущественно к предоставлению кредитов на те или иные значимые для республики проекты, оказанию услуг, а также заключению (на тендерной основе) торговых соглашений на поставку в Китай тех или иных видов узбекского сырья. Теоретически интересы китайского бизнеса могли бы гораздо больше и глубже затрагивать вопросы добычи урана, тем более, что Пекин концентрирует свои усилия именно на скупке активов в сырьевых отраслях во многих странах и регионах мира. Однако Ташкент пока воздерживается от широкомасштабной продажи своих сырьевых и стратегических активов иностранным компаниям, в том числе китайским.

Основные выводы

После 2001 года, по мере трансформации периферийного статуса Центральной Азии в стратегический, на первый план для Китая выходит именно энергетическая и в целом экономическая составляющие региональной политики. По сути, тем самым руководство КНР определило энергетику и в какой-то степени экономику в качестве стержневого элемента своей стратегии в ЦА. Одним из важных индикаторов этого может служить масштабное увеличение китайских финансовых ресурсов, направляемых в регион и предназначенных в первую очередь для отраслей ТЭК стран ЦА. Если в конце 90-х годов эти ресурсы составляли менее 1 млрд. долларов и были представлены исключительно в нефтегазовой отрасли Казахстана, то за первые 10 лет XXI века их объем увеличился более чем в 17 раз, а сама китайская финансовая активность стала затрагивать, хотя еще и не равномерно, но уже все без исключения страны Центральной Азии, где порядка 88% процентов этих средств представлены в отраслях ТЭК.

На современном этапе энергетическая политика КНР в ЦА жестко подчинена общей стратегии Пекина по обеспечению максимально благоприятных внешних условий для достижения системного прорыва в плане модернизации, дальнейшего устойчивого роста экономики и последующего превращения страны в один из глобальных экономических центров силы. Пытаясь приблизиться к решению этих сложных задач, Китай решил более активно задействовать и центральноазиатский вектор своей политики, сделав выбор в пользу кардинального укрепления позиций в национальных экономиках стран Центральной Азии за счет интенсификации там проектно-инвестиционной деятельности и увеличения объемов предоставляемых кредитов в первую очередь в отраслях ТЭК.

Не будет большим преувеличением сказать, что Пекин нацелен на постепенное вовлечение региона в орбиту своего геоэкономического влияния. Следует особо отметить, что КНР проводит данную стратегическую линию крайне осторожно, ни в малейшей степени не афишируя своих политических/геополитических амбиций в ЦА. При этом экономическое проникновение Китая в Центральную Азию направлено прежде всего на освоение и импорт энергетических ресурсов (в основном нефти и газа), всемерное стимулирование экспорта китайский товаров (в том числе энергетического оборудования) и услуг. Китайско-центральноазиатские торговые отношения уже прочно сложились в формате «готовая продукция в обмен на сырье», а растущие масштабы присутствия Китая в Центральной Азии объективно способствуют лишь закреплению за странами региона сырьевого статуса.

Подобный характер присутствия КНР в ЦА во многом определяется как объективными, так и субъективными причинами, главная из которых – отсутствие в регионе единого экономического пространства, в первую очередь, промышленного и транспортного. Ярко выраженная фрагментация центральноазиатского экономического пространства, дробление в прошлом единой промышленной и транспортной инфраструктуры региона на национальные сегменты в значительной степени препятствует реализации долгосрочных форм экономического сотрудничества с Китаем. В особенности это касается вопросов глубокой переработки промышленного (того же углеводородного) сырья и сотрудничества в инновационной сфере.

Поэтому складывающийся формат отношений крайне нежелателен как с точки зрения долгосрочных интересов КНР, так и тем более с точки зрения долгосрочных интересов самих государств ЦА и РФ. Ориентация китайской экономической деятельности на добычу и вывоз в Китай промышленного сырья будет способствовать ресурсному истощению региона и отмиранию перерабатывающих отраслей промышленности. Это, в свою очередь, будет вести к вызреванию в Центральной Азии зон социально-экономического кризиса. В худшем случае КНР и РФ рискуют получить огромное дестабилизированное пространство на границах и, как минимум, утратить уже приобретенные в странах ЦА позиции.

Развитие ситуации по данному сценарию, безусловно, окажет негативное воздействие на социально-экономическую ситуацию в приграничных с ЦА китайских и российских регионах. Более того, может рухнуть вся система безопасности, которую Китай и Россия выстраивали после распада СССР. Причем мировой финансово-экономический кризис способен стать лишь катализатором усиления всех этих проблем.

В итоге, энергетическое присутствие Китая в Центральной Азии представляется неоднозначным и двусмысленным. С одной стороны, Китай добился значительных успехов в плане проникновения в ключевые отрасли ТЭК стран региона. **С другой стороны,** это не привело к формированию равноправных и взаимовыгодных отношений между Китаем и государствами региона, не способствует комплексному развитию центральноазиатских государств, в том числе укреплению их безопасности.

Учитывая же уроки истории, можно предположить, что характер дальнейшего энергетического присутствия Китая в регионе и формат китайско-центральноазиатских энергетических отношений во многом зависят от того будет ли развиваться транзитная роль Центральной Азии в экономическом и, в первую очередь, энергетическом взаимодействии между различными частями Евразии. Очевидно, что это может произойти только в случае постепенной переориентации значительной части евразийского товарооборота и, в первую очередь, поставок энергетического сырья с морских коммуникаций на трансевразийские сухопутные маршруты, что реально лишь в условиях наличия политической воли и скоординированных действий стран, расположенных во внутренних пространствах Евразии: Китая, Центральной Азии и России.

Как представляется, необходима консолидация усилий Пекина, Москвы и столиц стран региона в плане обеспечения рентабельности трансевразийских сухопутных коммуникаций⁵². Именно это может стать главным стимулом к

⁵²Тем более, что современные условия вполне позволяют сделать трансевразийский сухопутный транзит более конкурентоспособным, а в ряде случаев даже и выигрышным по сравнению с морским маршрутом. Это может быть достигнуто в условиях меньшей протяженности маршрута и сокращения времени доставки грузов, а также путем удешевления

выстраиванию механизмов многопланового и полноценного экономического (включая энергетического) сотрудничества на двустороннем и многостороннем уровнях, в том числе в рамках ШОС. Широко разветвленная и хорошо развитая трансевразийская транспортно-коммуникационная система, в свою очередь, обеспечит экономическую рентабельность запуска под эгидой того же ШОС крупных инновационно-промышленных проектов. Это в итоге позволит активизировать процесс региональной экономической интеграции в Центральной Азии, положить начало формированию ШОС как реального блока, призванного обеспечить комплексную безопасность и поступательное экономическое развитие огромных пространств внутренней Евразии.

Основные проблемы

Несмотря на рост масштабов экономического, в первую очередь, энергетического, присутствия Китая в Центральной Азии, характер современных китайско-центральноазиатских экономических отношений высвечивает сложный комплекс проблем, непосредственно касающихся не только стран региона и Китая, но также и России.

Первой проблемой является экономико-географическая изоляция Центральной Азии, а также ряда смежных территорий Китая и России от основных рынков, мировых товарных и финансовых потоков. В условиях современной неолиберальной модели глобального экономического развития именно вышеуказанное обстоятельство ставит экономико-географически замкнутые евразийские территории в крайне тяжелое и невыгодное положение, в том числе в плане инвестиционной привлекательности. Во многом, этим и обуславливается хроническое отставание в экономическом развитии внутреннего пространства Евразии, включающего помимо Центральной Азии значительные территории России и Китая⁵³. Причем изоляция РФ и ЦА в

транспортировки по суше за счет применения эффективных логистических схем и расширения пропускной способности сухопутных коммуникаций.

⁵³ Безусловно, что на первый взгляд данная проблема наиболее актуальна прежде всего для ЦА, так как связана с удаленностью региона от морских коммуникаций и его экономико-географической замкнутостью внутри Евразии, что с особой силой проявилось в результате распада единой экономической системы бывшего СССР. В то же время, названная проблема не менее актуальна для РФ и КНР, ряд районов которых обладают схожими с ЦА экономико-географическими условиями. **Во-первых**, известно, что в современной мировой экономике морской транспорт в целом более предпочтителен, чем железнодорожный, автомобильный и воздушный. Это связано с целым рядом преимуществ: гораздо большей грузоподъемностью морского транспорта, меньшим расходом топлива в расчете на 1 тонно-километр, отсутствием необходимости в оплате пошлин при транспортировке грузов морем, а также амортизационных отчислений для поддержания коммуникаций в рабочем состоянии (в отличие, например, от сухопутных коммуникаций). Именно фактор дешевизны морского транспорта по сравнению с сухопутным еще 500 лет назад сыграл ключевую роль в упадке Великого шелкового пути и вплоть до настоящего времени определяет перманентное отставание в экономическом развитии внутриконтинентальных регионов от приморских во всем мире. Однако особенно ярко это проявляется в Евразии, имеющей огромное внутреннее пространство. Поэтому страны Центральной Азии, а также ряд промышленных регионов России (Урал, Сибирь, Поволжье и ряд других) и внутренние районы Китая (особенно западные, такие как Синьцзян-Уйгурский автономный район) связаны общим условием – географической удаленностью от морских коммуникаций – главных артерий мировой торговли. **Во-вторых**, именно после распада единого экономического пространства СССР география стала диктовать странам ЦА свои «правила игры», экономически сильно затруднив для них доступ к морским портам. Например, Узбекистан после обретения независимости оказался одним из двух во всем мире т.н. дважды

системе евразийских сухопутных коммуникаций проявляется даже в сфере трубопроводного транспорта, обладающего целым рядом преимуществ перед остальными видами транспорта. Так существующая система трубопроводов в России и Центральной Азии не может быть задействована для евразийского транзита нефти и газа, хотя их географическое положение региона и достаточно развитая трубопроводная инфраструктура теоретически могли бы позволить это. Формирующаяся же система трубопроводов в других направлениях, в том же китайском, в целом пока не предполагает этого.

Второй проблемой является ярко выраженная сырьевая ориентация экономик России и стран Центральной Азии. Однако, если экономические системы центральноазиатских стран исторически сформировались преимущественно как сырьевые, то российская экономическая система заняла сырьевую нишу в глобальной экономике уже после распада СССР, утратив тем самым свое прогрессивное влияние на экономическое развитие Центральной Азии. Этим во многом и обуславливается складывающийся крайне неэффективный формат экономических отношений между Россией и странами Центральной Азии, с одной стороны, и Китаем – с другой стороны: «сырье в обмен на готовую продукцию».

Третьей проблемой является полное отсутствие экономической интеграции в самой Центральной Азии, а также в рамках ЕврАзЭС и ШОС как наиболее действенных институтов интеграции для внутренних территорий Евразии. Пробуксовка экономической интеграции в Центральной Азии связана, главным образом, с отсутствием естественного лидера, который мог бы взять на себя функции локомотива данного процесса в региональном масштабе. Ситуация в ЕврАзЭС, в свою очередь, определяется тем, что Россия – единственный естественный лидер Сообщества, пока не в состоянии предложить своим партнерам эффективный, привлекательный и взаимовыгодный интеграционный проект. Отсутствие же экономической интеграции в рамках ШОС обуславливается тем, что локомотивы данной интеграции – Китай и Россия сами пока не имеют полноценных экономических отношений друг с другом. В результате Россия и Китай практически не уделяют внимания реальному экономическому укреплению ШОС.

Вышеобозначенные проблемы во многом обусловлены тем, что стратегические направления экономического (в том числе энергетического) развития, с одной стороны, Китая, а с другой – государств Центральной Азии и России принципиально отличаются друг от друга. Если стратегия

замкнутых государств (другая страна – Лихтенштейн), которому для выхода к открытому морю необходимо преодолеть границы как минимум двух государств. В свою очередь, Таджикистан стал обладать еще более сложными экономико-географическими условиями, так как большая часть таджикской территории расположена в высокогорной местности, а наиболее эффективное сухопутное транспортное сообщение может развиваться только через тот же т.н. дважды замкнутый Узбекистан. Хотя ряд граничащих с Центральной Азией внутренних районов Китая и России находятся в очень схожих географических условиях, однако экономики Китая и России в отличие от центральноазиатского региона не «раздроблены» на национальные сегменты. **В целом** проблема экономико-географической изоляции носит труднопреодолимый характер в «узко энергетическом» смысле и «узко ШОСовском формате»: ее невозможно решить без понимания **долгосрочной общности интересов стран-членов организации – совместного экономического освоения, развития огромного внутриконтинентального пространства Евразии.**

экономического развития Китая ориентирована на полноценное и комплексное инновационно-промышленное развитие страны, в первую очередь, перерабатывающих отраслей и выпуск наукоемкой продукции с высокой нормой добавочной стоимости, то современные «стратегии» России и государств Центральной Азии ориентированы преимущественно на увеличение объемов добычи и экспорта сырьевых ресурсов, а также диверсификацию направлений их поставок на внешние рынки.

Подобная асимметричность стратегий предопределяет принципиальное различие целей и задач, которыми руководствуются с одной стороны Китай, а с другой – государства Центральной Азии и Россия в процессе экономического, в том числе энергетического взаимодействия. Существующий на современном этапе крайне неэффективный формат экономических отношений Китая с центральноазиатскими странами и Россией – «сырье в обмен на готовую продукцию», служит лишь узко-корпоративным интересам и краткосрочным целям коммерческого характера, но категорически не способен разрешить сложный комплекс проблем в экономических и иных отношениях.

Поэтому, несмотря на все успехи, достигнутые Китаем в Центральной Азии, китайские позиции в регионе, в том числе энергетические представляются все же неустойчивыми. С одной стороны, основные проблемы являются следствием распада СССР и напрямую касаются РФ, а поэтому не могут быть концептуально оценены вне российского контекста. С другой стороны, данные проблемы напрямую связаны с **асимметрией стратегических направлений** развития Китая, государств Центральной Азии и России: в первую очередь, в плане недооценки ими жизненной важности интенсификации, углубления и повышения качества взаимодействия друг с другом как с точки зрения внутренней, так и с точки зрения внешней политики, в том числе и энергетическом контексте.

В целом, именно ярко выраженная асимметрия стратегий КНР, стран ЦА и РФ предопределяет кардинальное различие целей и задач, которыми руководствуются эти государства в своем развитии и, соответственно, выстраивании отношений с внешним миром, в том числе друг с другом. Это значительно препятствует формированию полноценных и взаимовыгодных отношений между Китаем, странами Центральной Азии и Россией как на двусторонней, так и на многосторонней основе, ведет к тому, что между ними не возникает общности долгосрочных интересов в сферах экономики, политики и безопасности, в том числе с точки зрения энергетики. Поэтому, представляется, что именно второстепенность друг друга в системе приоритетов является самым главным источником основных проблем, реальных и потенциальных угроз, с которыми сталкиваются и будут продолжать сталкиваться КНР, ЦА и РФ.

Глава 3. Последствия и возможности для России в результате усиления позиций Китая в ТЭК стран Центральной Азии

Дальнейшее проникновение Китая и китайских компаний в энергетический сегмент государств Центральной Азии и, соответственно, усиление позиций КНР в отраслях ТЭК стран региона может иметь для РФ как негативные, так и позитивные последствия. Однако, негативные последствия определяются не политикой Китая и китайских компаний, а общей динамикой развития ситуации в самой Центральной Азии, где КНР является лишь одним из многих факторов.

Сценарий № 1: реалистичный

Как представляется, в случае, если Россия в ближайшее время принципиально не пересмотрит и в корне не изменит основополагающих «принципов» своей внутренней и внешней «стратегии», в том числе и в ее энергетическом контексте, – в сторону преодоления сложившейся асимметрии развития с Китаем и, соответственно, форсирования интеграции (в первую очередь в сферах экономики и безопасности) на постсоветском пространстве и в рамках ШОС, то влияние РФ будет неизбежно снижаться по всем направлениям внешней политики. Центральная Азия здесь не станет неким исключением.

Во-первых, будет постепенно сокращаться доступ России к энергетической и иной сырьевой базе Центральной Азии. Другие внешние игроки как Китай, Европейский Союз и ТНК нацелены на усиление своего контроля над энергоресурсами региона. Уже в среднесрочной перспективе (до 2020 года) все это может существенно ущемить энергетические интересы РФ, особенно в плане доступа к центральноазиатским запасам газа и урановых руд. Если по нефти, гидроэнергоресурсам и углю российский ТЭК почти не зависит от Центральной Азии, то природный газ и урановое сырье региона могут сыграть немаловажную роль для экономики России. Особенно это проявится именно в среднесрочной перспективе, в период неизбежной для РФ масштабной модернизации электроэнергетической отрасли и значительного увеличения доли АЭС в выработке электроэнергии.

Во-вторых, дальнейшее проникновение Китая в ТЭК стран Центральной Азии как напрямую, так и косвенно будет способствовать ужесточению внешней конкурентной среды в энергетическом сегменте стран региона. Косвенно, присутствие КНР будет оказывать стимулирующее воздействие на процесс проникновения в энергетику стран ЦА компаний иных государств, в том числе восточноазиатских и западных. Это проявится после окончания мирового кризиса, когда достаточно богатый энергоресурсами регион с высокой долей вероятности станет объектом международной конкуренции. Тем более, что международная конкуренция только усилит многовекторность в политике самих государств Центральной Азии. Все это, в свою очередь, серьезно затормозит процесс российско-центральноазиатского сближения и ускорит процесс их дальнейшего размежевания, в том числе в энергетической и в целом в экономической сфере⁵⁴.

⁵⁴Например, будет пробуксовывать процесс реабилитации единой топливно-энергетической системы России и Центральной Азии, что объективно является непреложным условием экономической ре-интеграции на постсоветском пространстве. А восстановление единого экономического пространства постсоветских государств – непреложное условие их

В-третьих, экспортно-сырьевая ориентация экономик РФ и стран ЦА не только препятствует налаживанию реального китайско-российского стратегического партнерства в Центральной Азии, но, более того, повышает риск конфликта российских и китайских интересов в регионе. В период развития мирового экономического кризиса вероятность данного конфликта крайне низка, однако, по мере выхода мировой экономики на траекторию устойчивого роста, потребности и Китая, и России в центральноазиатских энергоресурсах кардинально возрастут, что будет способствовать накалу соперничества двух держав в регионе. Такое соперничество может привести даже к распаду ШОС и значительному охлаждению российско-китайских отношений, что крайне нежелательно для России.

Сценарий № 2: оптимистичный

Как представляется, в случае, если Россия сумеет принципиально пересмотреть и в корне изменить основополагающие «принципы» своей внутренней и внешней «стратегии», в том числе и в ее энергетическом контексте, – в сторону преодоления сложившейся асимметрии развития с Китаем и, соответственно, форсирования интеграции (в первую очередь в сферах экономики и безопасности) на постсоветском пространстве и в рамках ШОС, то в этом случае перед РФ и ЦА откроются уникальные возможности использовать активность КНР в регионе для выстраивания прочных и взаимовыгодных отношений в рамках ШОС, в том числе в энергетической сфере.

Во-первых, переориентация ТЭК России и стран Центральной Азии с нынешней, внешнеторговой по сути функции на комплексное развитие национальных экономик и, прежде всего, глубокую переработку сырья и высокотехнологичные сектора позволит России и государствам региона интегрировать свои энергетические комплексы. Залогом этого является то, что ТЭК бывших советских республик создавался и функционировал в течение многих десятилетий как единый организм, и сегодня энергетические сектора РФ и стран ЦА во многом остаются взаимно дополняемыми.

Во-вторых, интеграция ТЭК России и стран региона даст России уникальный шанс перезапустить и возглавить процесс экономической, а затем и политической ре-интеграции на постсоветском пространстве. Залогом этого является то, что ТЭК России и Центральной Азии суммарно составляют почти всю энергетику бывшего СССР, а без энергоресурсов РФ и ЦА не смогут развиваться экономики остальных постсоветских государств в особенности таких как Украина и Белоруссия, насыщенных объектами крупной промышленности и в крайне незначительной степени обеспеченных собственными энергоресурсами. Реабилитация под эгидой России единого энергетического, экономического, военного и политического пространства на территории бывшего СССР кардинально повысит возможности РФ продвигать свои стратегические интересы в отношениях с КНР.

В-третьих, выступая в отношениях с Китаем «единым фронтом» с позиций общности долгосрочных интересов, Россия и страны Центральной Азии получают возможность выстраивать формат взаимовыгодного взаимодействия с КНР, в том числе и в сфере энергетики. Для России и стран

долгосрочного эффективного развития в целом. Двадцатилетний период постсоветского «развития» показал, что ни одна из постсоветских стран не способна создать эффективной экономики в узких национальных рамках.

региона принципиально важной целью должна быть не продажа энергоресурсов в Китай, а использование китайского потенциала для собственного развития. Под этим подразумевается получение доступа к новейшим технологиям и инновациям, накопленным Китаем за несколько десятилетий реформ, а также и к китайским инвестициям в совместные наукоемкие и высокотехнологичные проекты, в частности в отраслях того же ТЭК. Однако порознь и, тем более, в условиях конкуренции между собой Россия и страны Центральной Азии не смогут выстроить с Китаем именно такой формат отношений, в том числе и в сфере энергетики.

Основные рекомендации

Несмотря на сохраняющийся комплекс сложнейших проблем на пути развития взаимовыгодных и устойчивых отношений с Китаем, потенциал российско-китайско-центральноазиатского сотрудничества представляется колоссальным. Залогом всего этого является то, что **только у КНР, ЦА и РФ объективно есть общий долгосрочный интерес – совместное освоение, развитие и оборона огромного пространства внутренней Евразии.** Как представляется, лишь при наличии политической воли Китая, стран Центральной Азии и России осознать (1) главенство вышеуказанного ключевого приоритета над всеми остальными, (2) необходимость считаться с долгосрочными интересами друг друга и жертвовать краткосрочными коммерческими интересами ради стратегических выгод от создания прочного и взаимовыгодного экономического союза в рамках ШОС, возможно обеспечение прорыва в комплексном развитии внутренних пространств Евразии, включающих ЦА, западный Китай и ряд внутренних регионов России.

Главным локомотивом по преодолению асимметрии стратегических направлений развития Китая, России и государств Центральной Азии, формирования между ними реального (а не декларативного как сейчас) стратегического союза должно стать налаживание в рамках ШОС сотрудничества по преодолению экономико-географической изоляции внутренних пространств Евразии за счет создания на территории России и стран Центральной Азии эффективной системы транспортных, в том числе транспортно-энергетических коммуникаций, в первую очередь между Китаем и Европой, Ираном и Европой, Ираном и Китаем.

В результате, это не только позволит возродить былую роль внутренней Евразии как торгово-транспортного моста, но и наполнить ее новым геоэкономическим и геополитическим смыслом, придать мощный импульс полноценному развитию внутриконтинентальных территорий, обеспечить прорыв в плане налаживания многостороннего сотрудничества Китая, России и стран Центральной Азии, заложив тем самым фундамент для формирования между ними реальных партнерских и союзнических отношений. Для реализации данной идеи уже есть все необходимые условия: институциональная основа – ШОС и широкая нормативно-правовая база, а также уже де-факто существующая система транспортных коммуникаций в КНР, ЦА и РФ, которая нуждается в модернизации и расширении пропускной способности. Следовательно, необходима лишь политическая воля стран-членов Организации по совместному формированию единого транспортного пространства и экономически эффективных транспортно-логистических схем.

При этом задача создания Энергетического клуба ШОС – повышения эффективности сотрудничества в отраслях ТЭК должна решаться только в

комплексе с более масштабными задачами в рамках ШОС в сфере межгосударственных отношений вообще (в том числе формирования системы региональной безопасности) и экономического сотрудничества в частности. В противном случае энергетическое взаимодействие в ШОС скорее всего так и останется на малоэффективном уровне, будет подчинено краткосрочным, коммерческим целям и обслуживать преимущественно поставку сырьевых ресурсов в Китай. Тем более, что пока складывается впечатление, что в основу функционирования ТЭК некоторых стран-членов ШОС заложены принципы рентабельности национальных компаний и получения ими максимальной коммерческой выгоды, а не принципы подчинения деятельности ТЭК интересам обеспечения устойчивого и комплексного развития всех отраслей национальной экономики, и тем более не принципы долгосрочной стабильности всех стран-членов Организации.

В рамках вышеуказанного концептуального подхода предлагается следующий комплекс рекомендаций:

- рекомендация № 1: преодоление асимметрии стратегических направлений развития Китая с одной стороны, России и государств Центральной Азии – с другой;
- рекомендация № 2: формирование транспортно-энергетического моста «Ближний Восток – Иран – Центральная Азия / Россия (Европа) – Китай (АТР)»;
- рекомендация № 3: разработка долгосрочной Программы развития ЕвразЭС и ШОС на основе общности стратегических интересов Китая, России и стран Центральной Азии;
- рекомендация № 4: энергетическое сотрудничество в рамках ШОС по другим направлениям.

**Рекомендация № 1: преодоление асимметрии
стратегических направлений развития Китая с одной стороны,
России и государств Центральной Азии – с другой**

Преодоление асимметрии стратегических направлений развития Китая, России и стран Центральной Азии на начальном этапе в основном зависит от самих РФ и государств ЦА.

Во-первых, Россия и страны Центральной Азии должны решительно отказаться от экспортно-сырьевой модели и сориентировать национальные экономические стратегии на те же цели (экономической модернизации и промышленно-инновационное развития), на которые ориентируется Китай.

Во-вторых, РФ необходимо отказаться от прозападной и западно-центричной политической ориентации, а странам ЦА – от курса на многовекторность, а в итоге сделать основную ставку на евразийский вектор: развитие внутренней Евразии на основе реального, а не декларативного, стратегического партнерства друг с другом и с КНР.

В-третьих, прежде чем выстраивать стратегическое партнерство с Китаем, государства Центральной Азии и Россия должны сначала возродить свой собственный союз, разумеется, уже на иной политической основе, нежели во времена бывшего СССР. Прежде всего необходимо выработать новую модель региональной экономической интеграции в системе «Россия – Центральная Азия», а на институциональном уровне – в рамках ЕвразЭС, сделав акцент на промышленно-инновационном развитии.

В целом, как представляется, только это позволит России и странам Центральной Азии сообща выстроить новую архитектуру именно союзнических отношений с Китаем в сферах экономики, политики и безопасности. При этом очевидно, что будет необходима тесная координация деятельности между ЕврАзЭС и ШОС. В экономическом плане в рамках ШОС будет нужно вырабатывать взаимоприемлемые решения по защите производителей постсоветских стран и одновременному учету интересов Китая в странах-членах ЕврАзЭС. В свою очередь, в плане политики и безопасности для РФ и ЦА будет принципиально важно заручиться всесторонней и максимально возможной поддержкой КНР, поскольку можно предположить, что тот же Запад в целом негативно отреагирует на процесс ре-интеграции на постсоветском пространстве.

Рекомендация № 2: формирование транспортно-энергетического моста «Ближний Восток – Иран – Центральная Азия / Россия (Европа) – Китай (АТР)»

Как представляется, решение проблемы экономико-географической изоляции должно быть предметом первоочередного внимания в рамках создаваемых в ШОС различных структур и подструктур, в том числе Энергетического клуба. В качестве локомотивного проекта, способного подвести ШОС к следованию долгосрочной линии в своем развитии, представляется рассмотреть идею строительства системы магистральных газо- и нефтепроводов между крупнейшими мировыми производителями углеводородов (Ближний Восток и Иран) и наиболее динамично развивающимися регионами мира (Китай и страны АТР), предусмотрев к тому же возможность ответвления в сторону Европы.

Главным объективным препятствием в реализации данного проекта будет горный рельеф на пути транспортировки углеводородов через территорию Ирана, но при соответствующей политической воли и техническом решении это препятствие может быть преодолено. Более того очевидно, что однозначно против данного проекта будут выступать США и их ключевые союзники, однако, речь идет о принципиальном изменении хода уже запущенных процессов развития Евразии, а не о следовании в фарватере американской политики и схемы форматирования глобальных и региональных процессов.

На начальном этапе предлагаемая система трубопроводов может проходить по маршруту: «Иран – Туркменистан – Узбекистан – южный Казахстан – СУАР КНР». В дальнейшем возможно увеличение протяженности данного маршрута за счет подключения к нему других (помимо Ирана) стран-поставщиков (из Ближнего Востока) и стран-потребителей (из АТР) углеводородов. Позднее евразийский сухопутный транспортно-энергетический мост может быть продлен и в западном направлении по маршруту «Ближний Восток – Иран – Центральная Азия – Россия – Европа», где Россия уже будет транзитной страной.

Причем, евразийский транспортно-энергетический мост от Ближнего Востока как в сторону Китая, так и в сторону Европы целесообразно прокладывать через Центральную Азию, так как направления в обход региона характеризуются наличием крайне сложного (преимущественно горного) рельефа. Более того в регионе уже существует достаточно развитая система трубопроводов и строится новая: как в российском, так и китайском направлениях.

Реализацию проекта в принципе можно осуществить по уже отработанному механизму Каспийского трубопроводного консорциума с той лишь разницей, что это будет стратегически на порядок более важный и масштабный проект. Представляется, что его детальную разработку следует осуществлять параллельно с форсированием процессов интеграции нефтегазовых комплексов России и стран Центральной Азии (в рамках ЕврАзЭС). При этом условии Россия автоматически будет полноправным участником всех маршрутов транспортно-энергетического моста, несмотря на то, что на начальном этапе они не будут проходить через российскую территорию.

Теоретически транспортно-энергетический мост способен окупить себя в короткие сроки, а главное – составить конкуренцию морским маршрутам. Так, наполнение трубопроводов достаточными объемами нефти и газа может быть легко обеспечено, учитывая наличие огромных углеводородных ресурсов на Ближнем и Среднем Востоке (около 3/4 мировых запасов) и одновременно растущих энергетических потребностей Китая, государств АТР и Европы. Тем более, что зависимость Китая и стран АТР от импорта нефти из арабских стран и Ирана будет возрастать и следовательно будет возрастать заинтересованность крупнейших мировых поставщиков и потребителей углеводородов в обеспечении гарантий безопасности их транспортировки.

Кроме того, транспортировка углеводородов по трубопроводам через территорию Центральной Азии, как представляется, может быть рентабельна. Тот факт, что маршрут пройдет по степным и пустынным районам, а также в относительно теплой климатической зоне, существенно облегчит и удешевит строительство и эксплуатацию всей системы трубопроводов. Тем более, что данный проект эффективно впишется в осуществляемые в Китае работы по формированию трубопроводной системы из СУАР в восточные провинции КНР.

Учитывая потенциально высокую экономическую рентабельность, а главное – стратегическую важность системы трубопроводов, логично предположить, что значительная часть углеводородных потоков из стран Ближнего и Среднего Востока (или, на начальном этапе – из Ирана) может быть переориентирована на этот маршрут.

Для реализации проекта необходимо максимально эффективно задействовать механизмы ШОС, тем более что Иран имеет статус наблюдателя в данной Организации. Поэтому **именно Иран мог бы претендовать на первоочередное вступление в ШОС в качестве полноправного члена** данной организации (или, по крайней мере, на особый формат отношений с ШОС), а также, не исключено, на получение и другой поддержки, в том числе в рамках иранской программы мирного освоения атома.

В целом, транспортно-энергетический мост будет важным и выгодным проектом для всех участников, так как его идея соответствует не только их коммерческим, но и долгосрочным и стратегическим интересам.

С точки зрения интересов России и стран Центральной Азии (де-факто уже «встроенных» в единую транспортно-коммуникационную систему, а также в целом обладающих структурно-технологической взаимозависимостью) это будет означать преодоление периферийности в евразийской (по сути – глобальной) «схеме» добычи и транспортировки энергоносителей, дальнейшее усиление (а не ослабление) этой взаимозависимости. Как результат – существенное перераспределение континентальных (по сути – мировых) потоков энергоресурсов в пользу России и центральноазиатских стран. Помимо этого, евразийский транспортно-энергетический мост исключит возможный

конфликт энергетических интересов России с интересами Китая в Центральной Азии.

С точки зрения интересов Китая, вышеуказанный евразийский транспортно-энергетический мост придаст существенный импульс промышленному развитию СУАР, обеспечит Китаю и странам АТР альтернативный и беспрепятственный сухопутный доступ к углеводородным ресурсам Ближнего и Среднего Востока, станет дополнительным гарантом стабильности поставок углеводородов в наиболее динамично развивающиеся страны мира в требуемых объемах, в целом сделает их менее зависимым от морских коммуникаций.

В свою очередь, для стран Ближнего и Среднего Востока это будет означать диверсификацию доступа на традиционные рынки сбыта своих углеводородов, интенсификацию связей с Китаем, а также АТР в целом и кардинальное снижение зависимости от контролируемых США морских маршрутов транспортировки углеводородов.

Кроме того, осуществление проекта потребует масштабных и разноплановых работ, что даст большой портфель заказов не только нефтегазовым компаниям стран-членов ШОС, но и главное – смежным отраслям промышленности этих стран (металлургия, машиностроение, металлообработка, синтетические материалы и т.п.). Тем самым, данный проект будет способствовать экономической интеграции в рамках ЕврАзЭС и ШОС, становлению ШОС как экономического блока.

В итоге, уже сейчас России и странам региона совместно с Китаем и Ираном целесообразно начать обсуждение и лоббирование строительства транспортно-энергетического сухопутного моста в ходе двусторонних и многосторонних консультаций.

Однако, РФ и КНР надо быть готовым и к тому, что реализация проекта сухопутного транспортно-энергетического моста проекта вызовет не просто недовольство, а мощное противодействие США и их ближайших союзников, так как масштабное перераспределение углеводородных потоков с морских коммуникаций на внутриевразийские в корне противоречит геоэкономическим и геополитическим интересам Соединенных Штатов. Тем более, что военно-морская мощь США, предназначенная помимо прочего для охраны глобальных морских коммуникаций, окажется просто ненужной для Азии и Европы. Но готовы ли РФ и КНР целенаправленно идти на охлаждение отношений с США ради собственного стратегического геоэкономического и геополитического выигрыша? Возможно, что именно данный проект и станет испытанием ШОС на политическую прочность.

Рекомендация № 3: разработка долгосрочной Программы развития ЕврАзЭС и ШОС на основе общности стратегических интересов Китая, России и стран Центральной Азии

Разработка данной Программы продиктована необходимостью формирования общности долгосрочных интересов КНР, стран ЦА и РФ в глобальном развитии, что в перспективе должно привести к устойчивым многосторонним отношениям (на уровне реального, а не декларативного стратегического партнерства) в сферах политики, экономики и безопасности. Залогом этого является геоэкономическая взаимодополняемость Китая, стран Центральной Азии, России и объективная общность их геополитических интересов в контексте освоения, развития и обороны внутренних пространств Евразии.

С одной стороны, Программа должна предусматривать в качестве главной цели создание эффективных механизмов межгосударственного взаимодействия, которые могли бы обеспечить взаимовыгодный обмен всеми возможными национальными ресурсами РФ, КНР и стран ЦА (политическими, экономическими, энергетическими, инновационно-технологическими, информационными, интеллектуальными и иными) для скорейшего решения конкретных стратегических задач в сферах политики, экономики и безопасности.

С другой стороны, Программа должна исходить из того, что только взаимовыгодные экономические отношения на многосторонней основе могут стать фундаментом тесных и устойчивых связей во всех других сферах межгосударственных отношений. В соответствии с данным принципом, Программа должна быть нацелена, в первую очередь, на стимулирование экономического, главным образом транспортно-коммуникационного и инновационно-промышленного взаимодействия между странами-членами ЕврАзЭС и ШОС в ряде ключевых отраслей.

Как представляется, начинать разработку Программы придется фактически с «чистого листа», так как вряд ли в Китае и России и тем более в Центральной Азии есть сколько-нибудь значительные аналитические наработки по масштабному и долгосрочному освоению, развитию и обороне внутренней Евразии. В этой связи, принципиальное значение имеют межгосударственные аналитические и как их составная часть – научные исследования.

Аналитический/исследовательский компонент. Для разработки Программы необходима, в первую очередь, консолидация интеллектуальных ресурсов Китая, России и Центральной Азии, интенсификация обмена аналитической и иной информацией, организация и проведение объединенных единым планом крупных междисциплинарных научно-прикладных и аналитических исследований.

Одним из главных направлений вышеуказанных исследований должен стать поиск тех или иных масштабных подпрограмм и конкретных проектов в качестве локомотивов реального сближения Китая, Центральной Азии и России. Данные локомотивные подпрограммы и проекты не должны являться «чисто экономическими», так как уже по своему определению являются междисциплинарными и потребуют масштабного привлечения значительных политических, экономических, информационных, интеллектуальных и многих других ресурсов.

На начальном этапе организацию исследований, их политическую поддержку, финансовое, техническое, кадровое обеспечение было бы целесообразно осуществлять на основе уже подписанных документов в рамках ЕврАзЭС и ШОС. В последующем потребуется заключение других (более качественных и конкретных по форме и содержанию) межгосударственных соглашений и, возможно, создание дополнительных структур в рамках ЕврАзЭС и ШОС с гораздо более масштабными целями и задачами (нежели те, которые стоят в настоящее время), привлечение на порядок больших ресурсов и соответственно их аналитическое обеспечение.

Общую координацию (не путать с руководством) исследований следует возложить на представителей аппаратов администраций президентов (в случае КНР – Госсовета) и/или правительств стран. Результаты данных исследований предполагается использовать высшим политическим руководством Китая, стран Центральной Азии и России для выработки комплексов мер по стимулированию межгосударственного сотрудничества.

Как представляется, на стадии разработки Программы финансирование аналитического/исследовательского компонента должно осуществляться исключительно за счет средств государственных бюджетов КНР, стран ЦА и РФ и/или национальных программ инновационно-промышленного развития, причем на паритетных началах. Какие-либо источники финансирования из «сырьевых» отраслей неприемлемы, так как в этом случае может иметь место лоббирование узко-корпоративных и иных краткосрочных интересов.

Рекомендация № 4: энергетическое сотрудничество
по другим направлениям

В рамках Энергоклуба ШОС представляется целесообразным поиск и других локомотивных проектов, к которым могут быть привлечены и страны-наблюдатели Организации. На начальном этапе в качестве ключевых направлений предлагается рассматривать следующие:

- энергетическое машиностроение;
- глубокая переработка углеводородного сырья;
- атомная энергетика;
- гидроэнергетика.

Энергетическое машиностроение
(машиностроительная отрасль ТЭК)

Как представляется, отрасль энергетического машиностроения могла бы стать одним из перспективных направлений для стимулирования экономического сотрудничества в ШОС. Отрасль энергетического машиностроения предложена прежде всего потому, что именно с Китаем Россия и другие страны бывшего СССР имеют достаточно большой опыт по сотрудничеству в плане производства энергетического оборудования. Этот опыт еще не забыт и может быть использован. Кроме того, энергетическое машиностроение непосредственно связано со многими смежными, в том числе и наукоемкими отраслями экономики: металлургией, металлообработкой, химической, электротехнической и электронной отраслями, приборостроением и т.п.

Немаловажное значение здесь имеет и тот факт, что отрасли энергетического машиностроения постсоветских стран, прежде всего России, и Китая способны дополнять друг друга в плане эффективного использования взаимных преимуществ и компенсации недостатков. Так, например, российская отрасль энергетического машиностроения по определенным позициям (например, оборудование для атомной энергетики) пока сохраняет технологические преимущества. В то же время по целому ряду позиций китайская отрасль энергетического машиностроения, освоившая современные западные технологии, имеет преимущества, однако при необходимости может быть адаптирована под стандарты стран СНГ.

Более того, взаимный обмен передовыми технологиями и научно-техническими достижениями (причем не на коммерческой, а на политической основе) способен обеспечить системный прорыв в развитии не только отрасли энергетического машиностроения и ТЭК в целом, но и дать импульс к постепенному развитию кооперации и в других отраслях экономики стран-членов ШОС.

Глубокая переработка углеводородного сырья

Приоритетность данного направления обусловлена необходимостью развития химической отрасли, нефтегазовых отраслей ТЭК (как поставщиков

сырья для химической отрасли) и многих других отраслей экономики, являющихся потребителями продукции химической отрасли.

Предлагается создать в рамках ШОС сеть совместных предприятий (СП), нацеленных на глубокую переработку углеводородного сырья на территории не только Китая, но и России, а также стран Центральной Азии с последующей реализацией готовой продукции на внешних рынках. Причем, наряду с использованием уже существующих производственных мощностей, предлагается рассмотреть вопрос о совместном строительстве новых предприятий вблизи углеводородных месторождений, чтобы избежать высоких затрат на транспортировку. Например, ту же центральноазиатскую (казахстанскую) нефть, содержащую высокую долю тяжелых фракций экономически более целесообразно не экспортировать, а перерабатывать на месте с применением крекинг-процессов. В частности, путем крекинг-процессов из мазута эффективнее получать высокооктановый бензин, авиационный керосин, другие виды топлива.

Одновременно с этим, энергетическое сотрудничество в ШОС следует ориентировать и на глубокую переработку газа путем создания сети газохимических производств на территории России, Китая и стран Центральной Азии вблизи газовых месторождений.

При этом необходимо всемерно поощрять китайских инвесторов осуществлять глубокую переработку углеводородов на территории России и стран ЦА (снижение налогов, арендных платежей, отсрочки по тем или иным видам налоговых выплат и т.п.). Кроме того, России и странам центральноазиатского региона целесообразно согласованно увязывать вопросы поставок в Китай нефтегазового сырья с объемами поставок в Китай и продуктов глубокой переработки углеводородов с совместных предприятий, расположенных на территории РФ и ЦА.

Развитие экономического сотрудничества в сфере глубокой переработки углеводородов могло бы дать мощный импульс масштабному освоению ресурсов внутриконтинентального пространства Евразии и стимулировать реальную экономическую интеграцию в рамках ЕврАзЭС и ШОС. Представляется, что кооперация в сфере глубокой переработки углеводородов станет взаимовыгодной и будет положительно воспринята и поддержана в тех же странах ЦА, где уделяется повышенное внимание вопросам кардинального повышения экономической эффективности деятельности отраслей ТЭК.

Для России и стран Центральной Азии данная сфера сотрудничества будет означать подъем химической и целого ряда других отраслей промышленности, в целом преодоление экспортно-сырьевой ориентации экономики, а также развитие внутреннего рынка и создание новых рабочих мест, проникновение на китайский рынок. Для Китая – это широкое проникновение на рынок всего постсоветского пространства, укрепление и развитие ШОС, становление его как экономического блока.

Более того, той же России крайне важно вообще увязывать и решать вопросы сотрудничества с Китаем в нефтегазовых отраслях с продвижением иных экономических проектов, а также с вопросами взаимовыгодного сотрудничества в политической и военной сферах. Как представляется, именно такая логика может обеспечить взаимовыгодный обмен новейшими технологиями, интеллектуальной собственностью и другими ресурсами между Россией и Китаем. Например, в обмен на те или иные российские военные технологии, Китай мог бы передать России ряд новейших технологий в сфере глубокой переработки углеводородов и получения синтетических материалов.

Атомная энергетика

Данное направление касается преимущественно российско-китайского формата взаимодействия, однако, способно стимулировать и налаживание многосторонней кооперации в рамках ШОС, в первую очередь, в высокотехнологичных отраслях.

Атомные технологии – это потенциально наиболее эффективная сфера взаимовыгодного российско-китайского сотрудничества в отраслях ТЭК, так как именно здесь преимущества России и Китая друг перед другом выражены наиболее ярко. Специфика научно-технического развития Китая вообще и атомных технологий в частности состоит в том, что Китай в приоритетном порядке развивал не столько фундаментальные научные заделы, сколько передовые инновационные производства, опираясь на новейшие научно-технические достижения других стран. В плане создания таких производств Китай уже опережает Россию.

В то же время в плане фундаментальных заделов Китай пока заметно отстает от России. Китай по-прежнему вынужден импортировать ряд товаров и изделий, производимых на основе ядерных технологий. В свою очередь, Россия обладает значительными научными и технологическими разработками, однако реализовать их самостоятельно практически не может вследствие слабой развитости промышленно-инновационной инфраструктуры, равно как и прикладных разработок.

В этой связи логично предположить, что двусторонняя кооперация в атомной энергетике, если будет стимулироваться на политическом уровне может обеспечить системный технологический прорыв и России и Китая. Под стимулированием российско-китайской кооперации подразумевается создание эффективных межгосударственных механизмов привлечения российских и китайских ресурсов в развитие совместных НИОКР на базе российских фундаментальных заделов и китайской производственно-инновационной инфраструктуры.

В первую очередь, здесь необходимо более активно использовать возможности Государственной корпорации «Российская корпорация нанотехнологий», в состав которой входят всемирно известные Курчатовский институт, московский и санкт-петербургский физико-технические университеты, которые являются законодателями в фундаментальных разработках для атомной промышленности.

Кроме того, следует обусловить доступ Китая к передовым научным и техническим разработкам России с привлечения китайских инвестиций в модернизацию российской инновационно-производственной инфраструктуры, а также в целом участием Китая в других приоритетных для России проектах. При этом важно продумать механизмы защиты российской интеллектуальной собственности.

Возможности для запуска российско-китайской кооперации в атомной энергетике достаточно велики, в том числе и потому, что сегодня Китай реализует программу строительства атомных электростанций. Предполагается, что к 2030 году в Китае будет действовать порядка 30 АЭС, а их доля в выработке электроэнергии составит около 7%. Для этого в Китае уже сформирован целевой «атомный» бюджет в размере 60,3 млрд. долларов.

Кроме того, к российско-китайскому взаимодействию в атомной отрасли могут быть привлечены и страны Центральной Азии, учитывая то, что почти все залежи урановых руд СНГ, потенциально рентабельных для промышленного освоения, находятся в Казахстане и Узбекистане. В принципе, процесс российско-казахстанской и китайско-казахстанской кооперации по

производству ядерного топлива уже начался, но желательно включение в данный процесс и Узбекистана.

В частности, заслуживает внимания идея строительства на территории Центральной Азии силами России, Китая, Казахстана и Узбекистана в рамках консорциума стран-членов ШОС крупной атомной электростанции (формула: «российские технологии + китайские кредиты/инвестиции + казахстанский и узбекский уран»). Институциональная и юридическая основа для организации такого многостороннего межгосударственного проекта уже есть, а запасов урановых руд в Казахстане и Узбекистане более чем достаточно. Реализация данного проекта могла бы покрыть дефицит электроэнергии в ЦА, а также ряде областей РФ и на западе КНР. Все это дало бы не только экономический эффект для всех участников проекта, но и послужило бы кардинальному укреплению ЕврАзЭС и ШОС, положило бы начало процессу превращения данных организаций в реальные экономические блоки.

Помимо этого, вовлечение огромных запасов центральноазиатского «ядерного топлива» в энергетический баланс региона помогло бы в решении болезненного для ЦА «водно-энергетического» вопроса. Как представляется, если АЭС покроет дефицит электроэнергии в Кыргызстане и Таджикистане в зимний период, то для этих стран отпадет надобность в строительстве дополнительных крупных гидроэлектростанций, а также и в импорте значительных количеств узбекского газа. Решение водно-энергетического вопроса, в свою очередь, разблокировало бы процесс региональной интеграции, а также интеграции в рамках ЕврАзЭС и ШОС.

Гидроэнергетика

Данное направление потенциально могло бы способствовать расширению энергетического сотрудничества в рамках ШОС, наращиванию объемов производства экологически чистой электроэнергии. Это позволило бы странам-членам ШОС экономить дорогостоящие невозобновляемые ресурсы и значительно повысить свою энергетическую безопасность, снизить вероятность конфликта энергетических интересов, стимулировать экономический рост в целом.

Наиболее перспективным было бы освоение гидроэнергетических энергоресурсов именно Сибири и Дальнего Востока (а не ЦА) в целях выработки электроэнергии для нужд экономики России (включая указанных регионов), приграничных провинций Китая и, возможно, стран ЦА. Обоснованием целесообразности этого является то, что потребности стран-членов ШОС в дешевой электроэнергии велики, а в перспективе будут расти. Очевидно, что проекты в этом направлении также предусматривают строительство линий электропередач, что будет способствовать объединению пространства ШОС в единую систему электроснабжения.

Только на последующих этапах кооперация в гидроэнергетической отрасли могла бы интенсифицировать процесс совместного (!) в рамках ШОС освоения гидроэнергетического комплекса самих государств Центральной Азии. Речь идет в первую очередь о более активном освоении гидроэнергетических ресурсов Таджикистана и Кыргызстана. При этом наиболее реальными проектами сегодня могли бы стать строительство Рогунской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Кыргызстане (являются долгостроями советского времени). Однако, всему этому должно предшествовать глубокое и многостороннее изучение вопросов возведения крупных гидроэнергетических объектов (оценка рисков и угроз, выработка

механизмов компенсации потерь) и, безусловно, тесная увязка этих вопросов с процессом региональной экономической интеграции.

Кроме того, чтобы освоение гидроэнергоресурсов Кыргызстана и Таджикистана не вошло в противоречие с интересами других стран региона – потребителей водных ресурсов бассейна Сырдарьи и Амударьи необходимо выстроить взаимовыгодную схему межгосударственного обмена энергоресурсами. В принципе, можно вернуться к схеме, существовавшей в советское время и доказавшей свою эффективность. По сути это была схема энергетического бартера, когда газ, уголь и мазут поставлялись в Кыргызстан и Таджикистан для выработки электроэнергии зимой в обмен на поставки из этих стран гидроэлектроэнергии в летнее время. Но возрождение данной схемы представляется возможным в условиях процесса региональной экономической ре-интеграции, признаков чего пока не просматривается. С позиций сегодняшнего дня, учитывая современную ситуацию в ЦА и вокруг нее, представляется, что достижение прорыва в этом направлении возможно только в среднесрочной, а то и долгосрочной перспективе. Впрочем, уже упоминавшаяся выше идея проекта строительства в ЦА мощной АЭС силами стран-членов ШОС может кардинально облегчить решение и водно-энергетической проблемы региона, не говоря уже о налаживании реального китайско-российско-центральноазиатского партнерства.

* * *

В целом, принципиальное изменение в пользу долгосрочных национальных интересов России формата китайско-центральноазиатских экономических и в том числе энергетических отношений возможно лишь при условии развития транзитного статуса России и Центральной Азии – торгово-экономического и энергетического моста между различными частями Азии и Европы. С точки зрения энергетики это наиболее вероятно осуществить в тесном взаимодействии с Ираном. Только следование такой исторически оправданной логике долгосрочного и стратегического поведения позволит создать более благоприятные условия для многостороннего, многопланового и взаимовыгодного сотрудничества России с Китаем, в том числе в рамках ШОС, в целом заложить основу для запуска под эгидой Организации масштабных и прорывных экономических проектов: транспортно-коммуникационных и промышленно-инновационных. И именно это может превратить ШОС в полноценный экономический блок, стать залогом стабильного и долгосрочного развития внутренней Евразии.

Как представляется, на современном этапе только Россия по своему историческому, геополитическому и геоэкономическому потенциалу способна в корне изменить ход уже запущенных на постсоветском пространстве центробежных тенденций. Экономическая ре-интеграция под эгидой РФ принципиально важна потому, что только вместе постсоветские страны смогут сформулировать и отстаивать общие, долгосрочные и стратегические интересы, которые неизбежно будут вести их к формированию союзных отношений с КНР. В противном случае, Китай будет вынужден выстраивать сугубо эгоистическую схему отношений и с Россией, и с Центральной Азией, руководствуясь лишь собственными интересами. Это представляется вполне естественным, так как Пекин вряд ли станет учитывать некие «стратегические и долгосрочные интересы» других стран, если они сами о них не думают. **В итоге,** именно Россия должна стать инициатором масштабных и кардинальных, а главное – позитивных перемен как в китайско-российских, так и китайско-центральноазиатских отношениях. Другого выбора у России нет: если она

действительно хочет сохраниться в прежних границах, остаться внутренне целостной и стабильной, обрести устойчивость и поступательность долгосрочного развития.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

ПАРАМОНОВ Владимир Владимирович родился в г.Москве, окончил Свердловское суворовское военное училище, Новосибирское высшее военно-политическое общевоинское училище, одну из российских академий, офицер запаса ВС РУз. Ранее работал в качестве научного, старшего научного сотрудника, заведующего сектором «США и Европа» Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан, руководителя Центра системных исследований, лектора Высшей школы стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан, главного научного сотрудника / координатора исследований Центра экономических исследований при службе государственного советника Президента Республики Узбекистан по вопросам социально-экономической политики. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Геостратегия США в Центральной Азии». Проходил научно-исследовательские стажировки в ряде зарубежных университетов, в том числе Университете Джорджии (США), Университете Джонса Хопкинса (США), Университете Вулверхемптона (Великобритания), Университете Оксфорда (Великобритания), Университете Лондона (Великобритания). Автор и соавтор около 200 публикаций по вопросам стратегии США, РФ и КНР в Центральной Азии (аспекты внешней политики, экономики, безопасности, энергетики, институционального сотрудничества), российско-китайских отношений, а также информационно-аналитической работы.

СТРОКОВ Алексей Владимирович родился в г.Ташкенте, окончил Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева, офицер запаса ВС РУз. Работал научным сотрудником Государственного института органической химии и технологии (Саратовская область, Россия), научным, старшим и ведущим научным сотрудником Института химии и физики полимеров Академии наук Республики Узбекистан, аналитиком в системе Вооруженных сил Республики Узбекистан, аналитиком Центра системных исследований, лектором Высшей школы стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан. Привлекался в качестве эксперта к проектам ПРООН (Узбекистан) и Центра экономических исследований при службе государственного советника Президента Республики Узбекистан по вопросам социально-экономической политики. Защитил кандидатскую диссертацию в области химии. Автор и соавтор более 100 публикаций по вопросам стратегии РФ и КНР в Центральной Азии, российско-китайских отношений.

СТОЛПОВСКИЙ Олег Анатольевич родился в г.Ташкенте, окончил Череповецкое высшее военное училище радиоэлектроники, Ташкентский государственный институт иностранных языков. Служил на различных аналитических должностях в ВС СССР, после 1991 года – Министерстве обороны Республики Узбекистан, полковник запаса. Работал в Высшей школе стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан в качестве заведующего кафедрой «Проблемы безопасности». Автор и соавтор более 50 публикаций по вопросам региональной безопасности, Афганистану, политики РФ и КНР в Центральной Азии.

ОСНОВНЫЕ КНИГИ АВТОРОВ

Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. **Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность.** – Бишкек, 2008 год. – 200 с.

Отношения России и Китая с Центральной Азией имеют богатую историю, в которой политика, экономика и безопасность тесно переплелись друг с другом. Традиционно центральноазиатское направление было одним из ключевых во внешней политике России и Китая. Это представляется естественным, учитывая расположение региона в центре Евразии – на стыке географии и интересов политики, экономики и безопасности двух данных держав.

Распад СССР привёл к фактическому коллапсу экономических связей России с республиками Центральной Азии (Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном), одновременно дав мощный импульс к развитию, а затем – интенсификации экономических отношений государств региона с Китаем. При этом на протяжении 90-ых годов XX века Россия не придавала особого значения развитию отношений с регионом, в то время как Китай и многие другие страны стали постепенно занимать пустующие ниши.

В последние годы Россия, осознавая важность постсоветского пространства для укрепления своих международных позиций, стала форсировать процесс политического сближения со странами региона. Это, в свою очередь, способствовало значительной активизации экономических отношений и связей в сфере безопасности.

К чему может привести наблюдающееся сегодня, возможно, впервые в истории одновременное стремительное усиление присутствия России и Китая в Центральной Азии? Как представляется, попытаться найти ответ на этот крайне сложный вопрос можно только посредством детального анализа действий Москвы и Пекина в регионе и, в первую очередь в сфере политики, экономики и безопасности.

Россия в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. **Russia in Central Asia: Policy, Security and Economics (Россия в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность, на английском языке).** – Нью-Йорк, 2009 год. – 118с.

В истории любой страны бывают моменты, когда она подходит к определённой черте, за которой сама жизнь вынуждает принимать решение о кардинальном пересмотре стратегии своего развития. Как правило, подобное происходит, когда прежний стратегический курс либо исчерпал себя, либо оказался глубоко ошибочным.

Именно у такой черты находится современная Россия. Главной же причиной тому является становящийся все более очевидным провал взятого

ещё в начале 90-х годов прошлого века внешнеполитического курса. Фундаментальные основы данного курса были заложены сразу же после распада СССР, когда ельцинская Россия начала осуществлять политику по освобождению от «груза национальных республик».

Есть все основания утверждать, что период российской истории, начавшийся после распада СССР, впоследствии назовут «смутным временем» по аналогии с началом XVII века, когда обрушилась вся система государственной власти в России, а позиции Москвы в тогдашней системе международных отношений кардинально ослабли.

Сегодня Россия Медведева-Путина вновь столкнулась с проблемами поиска своего места в стремительно изменяющемся мире. Одним из лучших свидетельств этому является анализ шагов, предпринимаемых Россией в Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) в сфере политики, экономики и безопасности.

Китайский экономический экспресс в центре Евразии: новая угроза или исторический шанс?

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. **Китайский экономический экспресс в центре Евразии: новая угроза или исторический шанс? (Экономическое присутствие Китая в Центральной Азии).** – Барнаул, 2010 год. – 160 с.

Экономическая политика Китая в отношении Центральной Азии, являясь составной частью общей стратегии Пекина по превращению Китая в один из центров мировой экономики, постепенно эволюционирует в сторону повышения значения региона для китайской экономики.

В первой половине 90-х годов Китай фактически не предпринимал сколько-нибудь существенных попыток по экономическому проникновению в Центральную Азию. Но уже к середине - концу 90-х годов экономический интерес Китая к Центральной Азии обозначился более чётко, что во многом было обусловлено реализацией в КНР государственной программы по форсированному развитию своих внутриконтинентальных территорий. На практике указанный интерес выразился в начале проектно-инвестиционной деятельности китайских компаний в нефтегазовой отрасли Казахстана и значительном увеличении масштабов присутствия китайских производителей на потребительских рынках центральноазиатских государств.

В начале первого десятилетия XXI века значимость Центральной Азии для Китая кардинально возросла, что было продиктовано причинами уже не столько экономического, сколько военно-стратегического характера, поскольку после событий 11 сентября 2001 года регион утратил статус периферийного и оказался в центре мировой политики. В этой связи Пекин фактически перешёл к тактике «мягкой экспансии» в Центральной Азии. Это выразилось в динамичном росте масштабов проектно-инвестиционного присутствия Китая и китайских компаний уже во всех странах региона, что оказало к тому же мощное стимулирующее воздействие и на китайско-центральноазиатскую торговлю.

Однако, к чему ведёт этот процесс? И что, в частности, этот процесс несёт самой России, для которой регион является зоной жизненно важных интересов, а экономическая интеграция с Центральной Азией – одним из принципиальных условий подъёма национальной экономики?

Последний исторический шанс России: освоение, развитие и оборона внутренней Евразии

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. **Последний исторический шанс России: освоение, развитие и оборона внутренней Евразии (Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность).** – Барнаул, 2010 год. – 121 с.

После распада Советского Союза Китай предпринимает всё более системные и целенаправленные попытки обрести контроль над процессами в Центральной Азии, что не встречает сколько-нибудь заметного и организованного противодействия ни со стороны центральноазиатских государств, ни со стороны каких-либо внерегиональных сил. Однако, Китаю пока не удалось и в перспективе, скорее всего, так и не удастся создать исторический прецедент: заполнить геоэкономический и геополитический вакуум в Центральной Азии.

Несмотря на все успехи, достигнутые Китаем в Центральной Азии, китайские позиции в регионе представляются все же неустойчивыми. Глубинные причины этого следует искать не в самой стратегии Пекина, а в характере присутствия Китая в Центральной Азии и складывающемся формате китайско-центральноазиатских отношений, которые свидетельствуют о наличии крайне сложного комплекса проблем на пути развития взаимовыгодного и устойчивого сотрудничества.

С одной стороны, основные проблемы во многом обусловлены фактором распада СССР и напрямую касаются России, а поэтому не могут быть концептуально оценены вне российского контекста. С другой стороны, данные проблемы напрямую связаны с асимметрией стратегических направлений развития Китая, государств Центральной Азии и той же России: в первую очередь, в плане недооценки ими жизненной важности интенсификации, углубления и повышения качества взаимодействия друг с другом как с точки зрения внутренней, так и с точки зрения внешней политики. В итоге, складывающаяся ситуация в корне противоречит общим жизненно важным интересам Китая, стран Центральной Азии и их исторически естественного союзника – России, тем более, что сами эти государства не осознают общности целей и приоритетов развития, не прилагают достаточных усилий к их поиску и концептуальному оформлению.

Как представляется, необходима консолидация усилий Пекина, Москвы и столиц стран региона в плане выстраивания механизмов многопланового и полноценного сотрудничества на двустороннем и многостороннем уровнях, в том числе в рамках ШОС. Прорывом в этом направлении может стать формирование широко разветвлённой и хорошо развитой трансевразийской транспортно-коммуникационной системы, которая в свою очередь, обеспечит экономическую рентабельность запуска под эгидой того же ШОС крупных инновационно-промышленных проектов. Это и позволит активизировать процесс региональной экономической интеграции в Центральной Азии, положить начало формированию ШОС как реального блока, призванного обеспечить комплексную безопасность и поступательное экономическое развитие огромных пространств внутренней Евразии.